This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

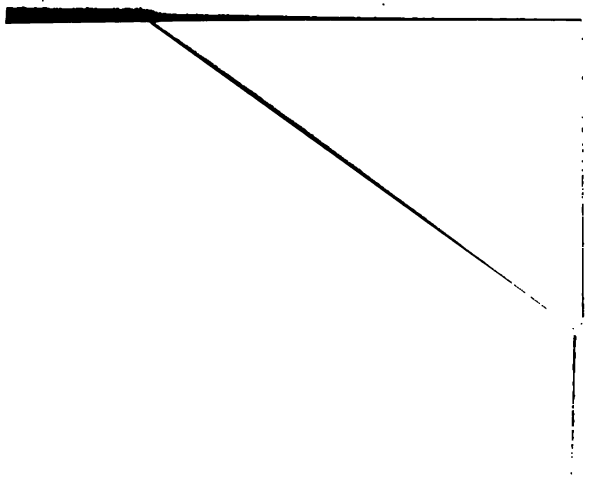
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



8

Сергѣй Соловьевъ.

ЦВѢТЫ И ЛАДАНЪ

ВЪ МОСКВѢ
1907.

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ.

Печатано въ количествѣ 500 экземпляровъ
въ типографіи т-ва А. И. Мамонтова
(Леонтьевскій пер., 5).

Соловьев, Сергей Михайлович

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ.

ЦВѢТЫ и ЛАДАНЪ.

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

МАСЛИНА ГАЛИЛЕИ.—ЗОЛОТАЯ СМЕРТЬ.

SILVAE.

ПІЭРІЙСКІЯ РОЗЫ.—ПѢСНИ.—ВЕСНЯНКИ.

МОСКВА. 1907.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Распятіе Красоты. Книга поэмъ и сказокъ.

Цвѣтникъ. Вторая книга стиховъ.

О садахъ словесныхъ. Книга критическихъ статей.

НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

КИСЕЛЕВУ,

благосклонному другу моей музы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я предвижу упреки, которые вызоветъ первая книга моихъ стиховъ. Я постараюсь заранѣе отвѣтить на нихъ. Во-первыхъ, мнѣ скажутъ, что въ моихъ стихахъ форма часто преобладаетъ надъ содержаніемъ, техническая сторона искусства—надъ мыслью. Прежде всего я укажу на неопредѣленность термина «форма». Содержаніе понятія ф о р м а, въ примѣненіи къ вопросамъ эстетики, можетъ имѣть произвольную широту. Иные разумѣютъ подъ «формой» только риѳму и мстръ; иные прибавятъ сюда э п и т е т ъ наконецъ, вообще о б р а з ъ, способъ изображенія, подойдетъ подъ понятіе «форма». Тогда понятіе «форма» покроетъ всѣ признаки, которыми характеризуется художественное произведеніе, и самъ собою падетъ вопросъ объ отношеніи формы къ содержанію.

Я утверждаю, что самый вопросъ о преобладаніи содержанія надъ формой или формы надъ содержаніемъ не можетъ быть поставленъ, ибо ставящій его разлагаетъ неразложимое, предполагаетъ раздѣльность тамъ, гдѣ конкретно существуетъ только единство. Ибо основной законъ художественнаго творчества въ единствѣ мысли, образа, краски, звука. Только то стихотвореніе имѣетъ право именоваться художественнымъ произведеніемъ, въ которомъ нѣтъ ничего внѣшняго, въ которомъ малѣйшій уклонъ голоса, малѣйшій красочный переходъ обусловлены внутренней, духовной необходимостью. Стихотворецъ, облекающій мысль въ техническую форму, какъ въ нѣчто постороннее самой мысли, никогда не создастъ художественнаго произведенія. Въ истинномъ процессѣ творчества мы имѣемъ только недѣлимость творческаго акта; мысль родится одновременно съ об-

разомъ и напѣвомъ; она даже не сознается отдѣльно отъ оныхъ, что побуждаетъ нѣкоторыхъ эстетиковъ парадоксально утверждать, что въ поэзіи нѣтъ ничего, кромѣ формы, сочетанія красокъ и звуковъ. На самомъ дѣлѣ подобное утвержденіе столь же неосновательно, какъ и ему противоположное, оцѣнивающее достоинство произведенія сообразно съ цѣнностью заключенной въ немъ мысли. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать философское значеніе термина «форма», означающаго цѣль космическаго процесса, движущее начало, образующее матерію, созидающее изъ стихійныхъ силъ природы образъ вѣчной красоты. Только то, что ф о р м а л ь н о, стоитъ внѣ законовъ природной жизни, не подвержено измѣненію и смерти. Таковъ нетлѣнный міръ математическихъ фигуръ и формулъ, таковы созданія искусства. Но математика—только формальна; она стоитъ внѣ природной жизни. Напротивъ, искусство исходитъ изъ чувственнаго матеріала впечатлѣній; оно вѣдаетъ матеріальный міръ; начало его—познаніе a posteriori, опытное. Но изъ чувственнаго матеріала впечатлѣній художникъ созидаетъ не-матеріальную дѣйствительность; призрачную реальность матеріи онъ преобразуетъ въ подлинную реальность красоты. Красота начинается тамъ, гдѣ кончается природа; но она и мыслима только при наличности природы, исходя отъ нея и вѣдая только ее. Отсюда трагизмъ всякаго художника, жреца красоты; какъ и сама красота, онъ всегда въ мірѣ—и всегда не отъ міра, всегда въ матеріи—и всегда чуждъ матеріи.

Затѣмъ, я часто слыхалъ и, вѣроятно, еще не разъ услышу обвиненіе въ н е с о в р е м е н н о с т и моей поэзіи, въ ея отчужденности отъ злободневныхъ интересовъ. Такое обвиненіе весьма для меня лестно. Да, моя поэзія чужда духу нашего времени, взятому въ цѣломъ. Ибо духъ нашего времени я понимаю такъ. Съ паденіемъ религіозныхъ нормъ, человѣчество начало руководствоваться въ своемъ поведеніи природными началами. Но что такое природа? Природа есть нѣчто постоянно становящееся, постоянно находящееся въ

процессѣ измѣненія; каждое мгновеніе она вновь и вновь опредѣляетъ себя къ добру или злу, къ Богу или діаволу. Такимъ образомъ, невозможно б ы т ь в ъ п р и р о д ѣ; вступая въ область природы, всякій неизбѣжно долженъ опредѣлить себя къ добру или злу, къ Богу или діаволу, то-есть къ началу, трансцедентному природѣ, внѣ ея пребывающему. Въ самой природѣ заключены противоположныя потенціи; въ ней переплетены міровыя Да и Нѣтъ; жизнь и смерть; любовь и похоть. Освободившееся отъ религіи человѣчество пошло по пути вторыхъ потенцій природы; изъ нихъ возникло зданіе современной цивилизаціи, образомъ которой является г о р о д ъ. Городъ—это реальное Нѣтъ, безобразное дитя природы, созданное духомъ похоти и смерти. Этотъ г о р о д ъ человѣчество выбрало взамѣнъ г р а д а, обѣщаннаго религіями. Искусство также исходитъ изъ природы; но оно отправляется отъ первыхъ ея потенцій, творитъ вѣчное Да, исходя изъ духа любви. Этотъ міръ, созданный изъ положительныхъ потенцій природы, и есть Новый Іерусалимъ, мистическій градъ, въ противоположность современному г о р о д у.

Въ-третьихъ, мнѣ могутъ указать на несоотвѣтствіе между частями моей книги, на противорѣчіе между языческими и христіанскими настроеніями. Я думаю, что, вообще, дѣленіе на «язычество» и «христіанство» есть только недоразумѣніе, достаточно обличаемое исторіей. Вмѣсто дѣленія на «язычество» и «христіанство», я бы предложилъ дѣленіе на міросозерцаніе религіозно-эстетическое и научно-философское. Эти два міросозерцанія смѣняются въ исторіи и постоянно враждуютъ. Хорошимъ примѣромъ можетъ служить Греція, гдѣ научно-философская мысль опредѣленно выступила противъ религіозно-эстетическаго міропониманія народныхъ массъ. Гомеръ и Эсхилъ столкнулись съ Сократомъ и Платономъ. Въ такъ-называемомъ «христіанствѣ» постоянно смѣшиваются элементы религіозно-мионческіе съ умозрительными. Христіанскій міръ нисколько не менѣе, чѣмъ до-хри-

стіанскій, питалъ художественное творчество. Беато Анжелико, Беноццо Гоццоли, Перуджино часто ближе намъ, чѣмъ Фидій и Пракситель. Ароматы Маріи Магдалины заставляютъ насъ забыть урну Антигоны. Но, съ другой стороны, христіанство въ исторіи является какъ сила враждебная всему чисто-религіозному, всякому мифу, всякому культу. Эта идеалистическая тенденція нашла окончательное свое выраженіе въ протестантствѣ, гдѣ распятый Адонисъ обратился въ учителя синагоги и мистерія литургіи замѣнилась балаганомъ проповѣдей и набожнаго пѣнія.

Исторія ясно показываетъ намъ незыблемость религіозно-эстетическаго начала. Это начало роднитъ между собой вѣка и народныя массы. Всякое созданіе научно-философской мысли неизбѣжно будетъ преодолѣно будущимъ; только мифъ—несокрушимъ, только искусство—нетлѣнно. При современномъ состояніи философской мысли едва ли возможно, безъ компромисса и самообмана, принять метафизику апостола Павла. Но какъ прежде цвѣтутъ масличныя вѣтви, которыми дѣти еврейскія устилали путь Іисусу Христу; и на нашемъ бѣдномъ сѣверѣ ежегодно встрѣчаютъ «грядущаго во имя Господне», и не увянутъ во вѣкъ весеннія вербы, которыя мы подъемлемъ какъ вѣтви масличныя.

Я придаю значеніе моей книгѣ лишь постольку, поскольку она является ученическимъ опытомъ. Свѣдущій читатель легко уловитъ въ моихъ стихахъ подражательные элементы. Главными образцами для меня были: Горацій, Ронсаръ, Пушкинъ, Кольцовъ, Баратынскій, Брюсовъ и Вяч. Ивановъ. Этимъ поэтамъ обязанъ я тѣмъ относительнымъ искусствомъ стихосложенія, которое отличаетъ болѣе поздніе стихотворенія отъ раннихъ.

Сергѣй Соловьевъ.

1906 г. 1 октября, Покровъ.
с. Дѣдово.

МАСЛІНА ГАЛІЛЕИ.

Благоухай Сіоне!

Декемврій, кг день,
стихира на стиховнѣ.

I.

ІАКОВЪ.

1.

Покинулъ я родныя нивы,
Бѣжалъ отъ отческихъ полей,
Гдѣ жилъ я—баловень счастливый
Ревекки, матери моей.

Темнѣетъ вечеръ; голосъ стада
Звучитъ въ померкнувшихъ горахъ.
Струится тихая прохлада;
Вечерній вѣтеръ гонитъ прахъ.

Горитъ заря огнемъ багровымъ.
Слетаетъ пыль съ горячихъ губъ...
Накрой меня зеленымъ кровомъ
Ты, широковѣтвистый дубъ!

Изгнанникъ отческаго дома,
Я на дорогѣ изнемогъ.
Кругомъ не вижу водоема,
Гдѣ утолить бы жажду могъ.

Вдали край неба сталъ туманенъ.
Смѣшались мысли какъ въ бреду.
Въ одеждѣ рваной, весь изранен,
На камень голову кладу.

2.

Я зналъ: меня ты не оставишь,
И на дорогѣ, бѣглецу,
И мнѣ свой вѣчный голосъ явишь,
Какъ Аврааму и отцу!

Я видѣлъ въявѣ подтвержденье
Отцамъ дарованныхъ надеждъ,
И съ неба ангеловъ схожденье,
И блескъ серебряныхъ одеждъ.

Въ былыхъ утѣшенный печаляхъ,
Я внялъ пророчеству о Ной,
И рѣялъ духомъ въ свѣтлыхъ даляхъ,
Надъ рядомъ бѣлыхъ ступеней.

Я утромъ вновь пошелъ въ дорогу,
Къ инымъ краямъ, къ иной странѣ,
И жертвенникъ поставилъ Богу,
Въ Веоилѣ явльшемуся мнѣ.

II.

СВЯТОЙ ПУТЬ.

М. П. Сизову.

Вотъ кувшинъ послѣдній выпитъ,
Хлѣбъ давно изсякъ въ кулькѣ.
Дряхлый тайнами Египетъ
Смутно брезжитъ вдалекѣ.

Села—рѣже, горы—диче.
Осликъ зыблетъ колыбель.
Съ грудью матери дѣвичьей
Слилъ уста Имануэль.

Смотритъ дѣвушка любовно
Сыну въ сонное лицо.
Звѣрь подъ ней ступаетъ ровно;
Таетъ звѣздное кольцо.

Тихій мальчикъ, сонъ лелѣя,
Пьетъ святое молоко.
Край, вскормившій Моисея,
Твой рубежъ—недалеко.

А за дальними горами
Брызги крови кормятъ пыль.
Надъ дѣтьми стенаетъ въ Рамѣ
Матерь древняя Рахиль.

И солдаты въ селахъ рыщутъ,
Всѣ пороги обагря.
Ненасытно, жадно ищутъ
Іудейскаго царя.

Села—рѣже, горы—диче.
Осликъ выблетъ колыбель.
Съ грудью матери дѣвичьей
Слилъ уста Иммануэль.

Солнце. Мракъ лучами выпитъ.
Сынъ, проснись! потомъ—дремать.
Дряхлый тайнами Египетъ
Принялъ дѣвственную мать.

III.

МАРІЯ МАГДАЛИНА.

Sur quels pieds tombez vous
les parfums de Madeleine?

A. Musset.

Чья это пѣсня во мракѣ доносится,
Чьи это, чьи это слышны рыданія?
Къ гробу Христову несетъ Мѵроносица
Благоуханія.

Тамъ горизонта туманная линія.
Скоро засвѣтитъ заря Магдалинѣ.
Плаваютъ сумерки, сумерки синія
Въ тихой долинѣ.

Къ гробу приходитъ, никѣмъ не замѣчена.
Тамъ, въ глубинѣ кипариснаго сада,
Въ камнѣ пещерномъ гробница изсѣчена.
Вотъ и ограда.

«Вижу зари задрожавшія пятна я,
Сѣрые камни пещеры зардѣли.
Тамъ погребенный лежитъ, ароматныя
Ткани на тѣлѣ.

«Нашимъ рыданьямъ не внемлетъ,
Скрытый въ могильныя нѣдра...
Пальмы чернѣютъ, и дремлютъ
Стройные кедры.

«Долами, мракомъ объятыми,
Въ страхѣ пошла я сегодня.
Шла умастить ароматами
Тѣло Господне».

Чья это жалоба носится,
Сумракъ предутренній гонитъ?
Къ камню припавъ, Мѵроносица
Плачетъ и стонетъ.

IV.

ПЕРЕДЪ ІЕРУСАЛИМОМЪ.

Ужъ городъ царственный воздвигся передъ Нимъ.
Онъ шелъ, не преступивъ положеннаго срока;
Въ послѣдній разъ теперь Онъ шелъ въ Іерусалимъ;
Онъ шелъ, да сбудется писаніе пророка.

Дрожали на пескѣ отливы багреца;
Былъ западъ облеченъ въ торжественную ризу,
И отблескъ заревой съ высокаго зубца
Спускался медленно по бѣлому карнизу.

И Онъ опять прошелъ по дорогимъ мѣстамъ,
Опять увидѣлъ стѣнъ высокіе уступы,
Громады мрамора, дворцы и, здѣсь и тамъ,
Дѣтей пустыни, пальмъ разбросанныя купы.

Опять привычный взоръ слѣпила пестрота
Семьею тѣсною столпившихся строеній
И горделивыхъ стѣнъ нѣмая высота.
Онъ зналъ, что придутъ дни послѣднихъ запустѣній,
И городъ рушится, какъ пепелъ, какъ мечта.

А ночь все медлила, и тихо вечеръ гасъ,
Сгущая по стѣнамъ причудливыя тѣни.
Онъ шелъ въ Іерусалимъ. Онъ шелъ въ послѣдній разъ,
Покорный голосу отеческихъ велѣній.

Вспомнилъ онъ, вспомнилъ тогда
Дѣтства забытаго лѣта:
Милые сердцу года,
Домикъ родной Назарета.

Звѣзды тихонько горятъ.
Синяя, звѣздная тишь...
Тамъ убѣгающій рядъ
Плоскихъ, бѣлѣющихъ крышъ.

Дѣти давно уже спятъ,
Мальчику только не спится.
Звѣзды ему говорятъ,
Что-то далекое снится.

Мать съ кувшиномъ поутру
Тихо идетъ отъ колодца.
Дѣти заводятъ игру,
Говоръ и смѣхъ раздается.

Плавно ступаетъ она,
Легкою тканью одѣта.
Въ косы ея вплетена,
Яркая блещетъ монета.

Къ матери мальчикъ бѣжитъ,
На спину влѣзъ къ ней украдкой,
Звонко смѣется, шалитъ
Платья широкаго складкой.

Гдѣ онъ ни кинетъ свой взоръ,
Все ему—радость, игрушки.
Звякнулъ отцовскій топоръ,
Валятся легкія стружки.

Вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ сама
Шли они на богомолье
Всею семьей: вотъ когда
Дѣтямъ просторъ и раздолье.

Старый Іосифъ идетъ,
Важно опершись на посохъ.
Сына Марія несетъ,
Солнце играетъ на косахъ.

Спятъ, погруженныя въ лѣнь,
Возлѣ дороги оливы.
Вьются въ древесную тѣнь
Темныхъ дорожекъ извивы.

Фигъ зеленѣютъ плоды,
Скрытые лиственной гущей.
Рощи, холмы и сады—
Радостный міръ и цвѣтущій.

Странники дальше идутъ
Той же дорогой привычной.
Вотъ—Самарія, и тутъ
Мерзкій народъ, злоязычный.

Яркія блекнутъ поля,
Скрылись веселыя рощи.
То—Іудеи земля,
Все здѣсь—бѣднѣе и проще.

Здѣсь виноградниковъ нѣтъ,
Тянутся горы, бѣлѣя.
Гдѣ ты, родной Назаретъ?
Гдѣ же ты, гдѣ, Галилея?

Въ зноѣ небесномъ сгорѣвъ,
Мертвы поля Іудеи.
Вѣтви засохшихъ деревъ
Вьются какъ черныя змѣи.

Синія спятъ небеса
Въ дымкѣ молочной тумана.
Блещетъ вдали полоса
Волнъ голубыхъ Іордана.

Вотъ показались вдали
Башенъ зубчатыя кольца.
Въ рваныхъ одеждахъ, въ пыли
Къ храму текутъ богомольцы.

Сколько увидишь здѣсь лицъ,
Какъ любопытны картины:
Гости съ сидонскихъ границъ,
Съ дальнихъ концовъ Палестины!

Движется шумно народъ,
Пестрыми толпами скученъ.
Въ круглую арку воротъ
Осликъ вступаетъ, навьюченъ.

Важный, богатый купецъ
Ѣдетъ на праздникъ всѣмъ домомъ.
Встрѣтясь, болтаетъ отецъ
Съ плотникомъ, старымъ знакомымъ.

Съ матерью входитъ во храмъ,
Въ сумракъ священныхъ преддверій.
Деньги звенятъ по столамъ,
Воютъ и мечутся звѣри.

Съ робостью мальчикъ вошелъ.
Видъ алтаря ему страшенъ:
Быкъ издыхаетъ, и полъ
Красною кровью окрашенъ.

Ноги безпомощно бьютъ,
Въ лужѣ купаяся алой.
Голубь воркуетъ; снуютъ,
Деньги считая, мѣняла.

Всѣ онѣмѣли сердца.
Слово бъ имъ грозное кинуть!
«Это ль обитель отца!»
Крикнуть, столы опрокинуть!

Прошедшее смѣня, грядущее встаетъ:
Вотъ прокуратора огромная палата:
Одежду на себѣ Каіафа злобно рветъ,
И подымаютъ бичъ прислужники Пилата.

На мѣсто лобное Онъ крестъ свой понесетъ
Дорогой той, гдѣ шелъ теперь въ Іерусалимъ Онъ;
Безсильно свалится, и крестъ Его возьметъ
На плечи крѣпкія могучій тѣломъ Симонъ.
. . . . . .

Меркнутъ далекія горъ очертанія,
Въ городъ пора бы войти.
Гаснешь, темнѣешь... прости
Ты, дорогая Виѳанія!

Ворота города ужъ были передъ Нимъ,
На бѣломъ мраморѣ погасла позолота.
Онъ мѣрной поступью вошелъ въ Іерусалимъ,
Неслышно миновавъ раскрытыя ворота.

V.

ВЕЧЕРЯ.

Ex Illo pectore in secreto bibebat.
Augustinus.

Окруженный толпой, на одрѣ
Онъ въ таинственной думѣ лежалъ.
Догорая, свѣтильникъ дрожалъ...
Ночь была на дворѣ.

Говорить не рѣшался никто,
И для битвы не чувствовалъ силъ.
Я, прильнувъ къ Его груди, спросилъ:
Кто предастъ Тебя, Господи, кто?

И прильнувъ къ Его груди, я крѣпъ.
Синій сумракъ глядѣлся въ окно.
Онъ мнѣ подалъ вино
И разломленный хлѣбъ.

Я съ другими прошелъ на крыльцо,
Не теряя изъ виду Его.
Разобрать я не могъ ничего;
Лишь луною пахнуло въ лицо.

Вся дорога была въ серебрѣ.
Мы пошли по знакомымъ садамъ.
Смутный шопотъ ходилъ по рядамъ...
Ночь была на дворѣ.

VI.

ОТРЕЧЕНІЕ.

Къ костру подсѣлъ онъ, руки грѣя.
Лицо зажегъ багровый свѣтъ.
«И ты—сопутникъ Назарея?
И ты—изъ галилеянъ?»—«Нѣтъ».

Ночь холодна, и мѣсяцъ свѣтелъ.
Первосвященническій дворъ
Вдругъ огласилъ разсвѣтный пѣтелъ.
Прислуга спитъ. Сгорѣлъ костеръ.

«Гдѣ Іоаннъ и гдѣ Іаковъ?
Гдѣ всѣ?» Онъ вышелъ. Даль пуста.
И вспомнилъ, горестно заплакавъ,
О предсказаніи Христа.

VII.

СЕСТРѢ.

Н. И. С.

Въ разсвѣтный часъ пошли мы двое,
Росу стряхая съ сонныхъ травъ,
Неся изъ смирны и алоя
Благоухающій составъ.

Мы шли, не думая о чудѣ,
Въ холодномъ, розовомъ лучѣ.
Ты муро въ глиняномъ сосудѣ,
Склонясь, держала на плечѣ.

И такъ намъ страшно вспомнить было
Его позоръ, и смерть, и боль...
Какъ раны гнойныя омыла
Твоихъ волосъ ночная смоль.

Какъ изъ Его ладоней гвозди
Ты, тихо плача, извлекла,
Смотря на кровь, что, какъ изъ гроздей,
Густыми каплями текла.

Марія мать и ты—вы обѣ—
Его приняли отъ солдатъ
И положили въ новомъ гробѣ,
Возливъ на тѣло ароматъ.

Смотри: минула ночь субботы,
И новый день смѣняетъ мракъ.
Сестра, скажи мнѣ, отчего ты
Нежданно ускоряешь шагъ?

Ужъ близокъ садъ. Вотъ лилій чаши
Сверкнули изъ разсвѣтной мглы.
Сестра, зачѣмъ одежды наши
Такъ неестественно бѣлы?

Какъ вѣтви здѣсь нависли густо.
Давай сосудъ. Пришли. Пора.
Вотъ и пещера. Гдѣ Онъ? Пусто!
Кто взялъ Его? О, кто, сестра?

Кѣмъ входъ въ пещеру отгороженъ?
Что совершилося въ ночи?
Пустой покровъ бѣлѣетъ, сложенъ.
Въ пещерѣ—бѣлые лучи.

Гдѣ трупъ? гдѣ стража? гдѣ ограда?
Все—только бѣлые цвѣты.
Бѣгу навстрѣчу! Нѣтъ... не надо:
Ты возлюбила—встрѣтишь ты!

VIII.

ВИДѢНІЕ СВЯТОГО БЕРНАРДА.

На окнѣ раздернуты шторы.
Тонкіе кустики гнутся.
Бѣлѣй и бѣлѣй
Въ даль уходящія горы.
Полей
Зеленыя полосы вьются.

Заходящаго солнца лучами
Кельи сводъ позлащенъ.
Монахъ сидитъ. За плечами,
Откинутъ, лежитъ капюшонъ.

Догорающій лучъ скользнулъ,
Задрожавъ на оконной рамѣ.
Онъ послѣдній разъ блеснулъ,
Освѣтивъ окрестность съ горами.

Поднялъ глаза монахъ
Отъ священной страницы.
Незабудки въ Ея глазахъ
Сіяли подъ тѣнью рѣсницы.

Легки одежды воскрылія...
Ты ль, долго жданная?
Смотритъ: въ рукахъ Ея лилія
Благоуханная.

Матерь Божію встрѣтилъ святой
Чуть замѣтнымъ всплескомъ рукъ.
На Ея головѣ золотой
Трепеталъ и свѣтился кругъ.

Надъ оваломъ лица легли
Золотыя косы въ порядкѣ.
Голубыми струями текли,
Расплывались одежды складки.

Тихо ставъ предъ святымъ,
Съ лаской Она глядѣла.
Одежды—легки какъ дымъ—
Ея овѣяли тѣло.

Ни слова тогда не сказалъ
Маріи блаженный инокъ.
Ворвавшійся лучъ пронизалъ
Закружившійся столбъ пылинокъ.

Онъ остался, повѣрить видѣнью
Робкой душой не дерзающій,
А Она отплыла легкой тѣнью,
Ускользающей.

IX.

РОДНЫЯ СТРАНЫ.

Видѣлъ ты эти блаженные долы?
Блѣдныхъ фіалокъ луга,
Дымныя сосны, янтарныя смолы,
Въ горнихъ предѣлахъ снѣга?

Нѣжныя розы—закатные свѣты,
Сѣрые камни, раздолья пещеръ,
Тамъ, гдѣ ласкаютъ святые аскеты
Руки имъ лижущихъ кроткихъ пантеръ.

Всѣхъ лучезарные свѣты залили,
Всѣхъ ихъ питаетъ Господня роса.
Тонутъ въ лазури торжественныхъ лилій,
Дѣвственныхъ, стройныхъ и бѣлыхъ, лѣса.

О, этихъ странъ неподвижные блески!
Вѣчно взлетаютъ къ вамъ грезы земли.
Мученицъ дѣвъ изступленные всплески...
Свѣтлый женихъ въ озаренной дали.

Рыцарей латы, златыя поножи,
Копья, щиты мелодично звенятъ.
Тамъ, на цвѣтами украшенномъ ложѣ,
Львы возлежатъ возлѣ бѣлыхъ ягнятъ.

Островъ. Закатъ. Шелестящія ласки.
Юноши въ дѣвахъ лобзаютъ сестеръ.
Волны кудрей, золотыя повязки...
Ангелъ надъ ними крыла распростеръ.

Любятъ, сгораютъ. Восторги—взаимны.
Блѣдныя руки, скользящіе сны.
Гимны Христу, непостижные гимны!
Звѣзды. Моленія. Шопотъ волны.

X.

СВЯТАЯ ЦЕЦИЛІЯ.

Возлѣ органа
Святая Цецилія,
—Вся осіянна—
Божія лилія!

Струны взываютъ.
Бѣлыя руки
Съ клавишей зыбкихъ срываютъ
Тихіе звуки.

Звуки—нѣжны и сладки.
Въ сіяньѣ воздушнаго диска,
Волосы—черны гладки—
На лобъ спущены низко.

Къ груди приколота,
Роза вздыхаетъ.
Искра золота
На стѣнѣ потухаетъ.

Блѣднаго свѣта
Тѣни—невѣрнѣй.
Благовѣстъ гдѣ-то...
Звонъ вечерній.

XI.

ПРЕСВЯТАЯ ДѢВА И БЕРНАРДЪ.

И. С. Щукину.

Онъ за городъ ушелъ, гдѣ дороги
Былъ крутой поворотъ.
Взоры монаха—молитвенно строги.
Медленно солнце спадало съ прозрачныхъ высотъ.

И молиться онъ сталъ, на колѣни упалъ, и въ фигурѣ
Были смиренье, молитва. А воздухъ—прозраченъ и пустъ.
Лишь надъ обрывомъ скалы въ поблѣднѣвшей лазури
Зыбкой листвой трепеталъ засыпающій кустъ.

Воздухъ пронзали деревьевъ сребристые прутья.
Горы волнами терялись, и вечеръ, вздыхая, сгоралъ.
Зналъ онъ, что встрѣтитъ сегодня Ее на распутьѣ..
Благовѣстъ дальній въ прозрачной тиши умиралъ.

Шагомъ неспѣшнымъ прошла, и задумчиво кротки
Были глаза голубые, и устъ улыбался коралл.
Давъ на колѣни, онъ замеръ, и старыя четки
Все еще блѣдной рукой своей перебиралъ.

Осѣненная цвѣтомъ миндальнымъ,
Стояла одна у холма.
Замеръ благовѣстъ въ городѣ дальномъ...
Ты ль—Марія, Марія сама?

Никого. Только золотомъ блещетъ
На закатѣ пустая даль.
Вѣетъ вѣтеръ, и дерево плещетъ,
Беззвучно роняя миндаль.

XII.

СВѢТЕ ТИХІЙ!

Въ кроткихъ лучей вечерѣющемъ блескѣ,
Мнится, тебя я ужъ видѣлъ когда-то.
Гдѣ, я не помню. Быть-можетъ на фрескѣ,
Тамъ, гдѣ блаженныхъ рисуетъ Беато.

Ласковый образъ, являвшійся въ дѣтствѣ,
Кроткая вѣсть о кончинѣ безбурной
И о могилѣ—пріютѣ отъ бѣдствій—
Тамъ, гдѣ мой ангелъ склонится надъ урной.

Образъ, предъ коимъ молились монахи,
Гдѣ подъ сѣкирою острой солдата
Съ тихой молитвой почила на плахѣ
Чистая дѣва, святая Агата.

Праведныхъ взоръ говоритъ терпѣливый:
Да, исполняемъ Господній глаголъ мы.
Келья ютится подъ синей оливой,
Въ небо уходятъ волнистые холмы.

Передъ святыми дрожатъ василиски,
Злыя ехидны ползутъ за утесы.
Дѣвъ непорочныхъ отчетливы диски,
Вьются подъ золотомъ темныя косы.

Страсти земной непричастныя лица.
Свѣтъ золотистый сіяніе сыпетъ.
Въ мракѣ провозитъ святая ослица
Божію Матерь съ младенцемъ въ Египетъ.

Круглыя пальмы синѣютъ по скáламъ;
Рѣютъ пернатыя, пестрыя птицы.
Дѣва, хитономъ одѣтая алымъ,
Смотритъ на небо, поднявши рѣсницы.

Рыцарь—монахъ, что закованъ въ желѣзо;
Узкій ручей, межъ холмами текущій.
Иноковъ ясныхъ святая трапеза,
Праздныхъ любви подъ зеленою кущей.

Въ кроткихъ лучей вечерѣющемъ блескѣ,
Мнится, тебя я ужъ видѣлъ когда-то.
Гдѣ, я не помню. Быть-можетъ на фрескѣ,
Тамъ, гдѣ блаженныхъ рисуетъ Беато.

XIII.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Три дня подъ-рядъ господствовала вьюга,
И все утихло въ предвечерній часъ.
Тепломъ повѣяло привѣтно съ юга,

И голубой и ласковый атласъ
Мнѣ улыбнулся тамъ, за лѣса краемъ,
Какъ взоръ лазурный серафимскихъ глазъ.

И я стою передъ разверстымъ раемъ,
Гдѣ скорби всѣ навѣкъ разрѣшены.
Стою одинъ, овѣянъ и лобзаемъ

Незримыми крылами тишины.
Лѣса синѣютъ, уходя въ безбрежность.
Сіяютъ мнѣ съ вечерней вышины

И кроткій миръ и женственная нѣжность.
Моя душа—младенчески чиста,
Забывъ страстей безумную мятежность

И для молитвъ очистивши уста.
Недвижны ели, въ небо поднимая
Ряды вершинъ—подобія креста;

И, небесамъ таинственно внимая,
Передъ зари зажженнымъ алтаремъ,
Лежитъ земля, безплодная, нѣмая.

Окрашена вечернимъ янтаремъ
Эмаль небесъ за бѣлыми стволами.
Надъ тишиной передвечернихъ дремъ

Закатный храмъ поетъ колоколами,
И гаснетъ тамъ, за синею чертой,
Послѣдній разъ сверкнувши куполами.

Оконченъ день, морозно-золотой.
Вечерній часъ! вечернее моленье!
Вечерній часъ, завѣтный и святой!

Пора. Огни затеплило селенье;
Ложится тѣнь на бѣлые снѣга,
И легкій дымъ клубится въ отдаленьѣ,

Привѣтный дымъ родного очага.
Какъ чувства всѣ таинственно окрѣпли!
Господь! Господь! къ Тебѣ зоветъ слуга:

Огонь любви въ моей душѣ затепли!

XIV.

ХРАМЪ.

Прими меня, родной, убогій храмъ,
Гдѣ я искалъ и находилъ спасенье.
Куда ребенкомъ бѣгалъ по утрамъ

Къ заутренѣ, въ святое воскресенье.
Всѣ въ домѣ спятъ. Я тихо выйду вонъ,
Взволнованъ весь, и полонъ опасенья,

Не опоздать бы. На призывный звонъ
Спѣшу чрезъ лѣсъ, весенній и зеленый.
Крестясь, всхожу на сумрачный амвонъ,

Едва лучомъ янтарнымъ окропленный.
Глядятъ въ окно, и шепчутъ межъ собой,
Прильнувъ къ стеклу, березы, липы, клены.

Иконостасъ съ золоченой рѣзьбой
Давно потускъ. Какъ небеса синѣя,
Вѣнчаетъ своды куполъ голубой.

Мерцаютъ свѣчи, кротко пламенѣя
Колеблющимся желтымъ язычкомъ.
Истлѣвшая, тяжелая Минея

На клиросѣ лежитъ передъ дьячкомъ,
И староста обходитъ по придѣламъ,
Звеня о блюдо мѣднымъ пятачкомъ.

Растаялъ ладанъ. Въ дымѣ порѣдѣломъ
Блистаетъ мѣдь закрытыхъ царскихъ вратъ;
Алтарь сіяетъ радостнымъ предѣломъ,

Гдѣ нѣтъ скорбей: сомнѣній и утратъ.
Мой старый храмъ! Какъ сердцу вожделѣненъ
Въ твой темный рай замедленный возвратъ!

Все то, чѣмъ міръ для сердца многоцѣненъ,
Я приношу къ ступенямъ алтаря,
И мой восторгъ, какъ золото, нетлѣненъ.

Моей весны ненастная заря!
Какъ быстро ты достигла половины,
Огнями золъ бушуя и горя.

Какъ съ высей горъ бѣгущія лавины,
Такъ громы бѣдъ гремѣли надо мной.
Но дѣтство вдругъ, съ улыбкою невинной,

Какъ вѣсть, какъ зовъ отчизны неземной,
Ко мнѣ сошло изъ чистыхъ поднебесій,
Чтобъ утолить кровавой язвы зной.

Въ душѣ поетъ, поетъ «Христосъ воскресе»,
И предо мною, какъ забытый сонъ,
Алтарь, врата въ задернутой завѣсѣ.

—Сквозь золото краснѣющій виссонъ.

XV.

РАБА ХРИСТОВА.

Хоть я съ тобой бесѣдовалъ немного,
Но мнѣ твои запомнились черты,
Смиренная служительница Бога!

Ясна душой, весь міръ любила ты:
Твои глаза такъ ласково смотрѣли
На небеса, деревья, на цвѣты,

Въ родныхъ лугахъ расцвѣтшіе въ апрѣлѣ.
Когда, прозябшій, зеленѣлъ листокъ,
Когда лучи что день теплѣе грѣли,

И подъ окномъ разлившійся потокъ
Бѣжалъ, шумѣлъ, блистая въ мутной пѣнѣ,
Синѣла даль, и искрился востокъ,—

Бывало, ты на ветхія ступени
Присядешь, рада солнышку весны,
На жребій свой безъ жалобы, безъ пени;

А небеса—прозрачны и ясны,
И облаковъ блуждающія лодки
По нимъ бѣгутъ, какъ золотые сны.

Я помню ликъ твой, старческій и кроткій,
И бѣлизну смиреннаго чепца.
Ты мать была для всякаго сиротки:

И изъ гнѣзда упавшаго птенца,
И бѣдную ободранную кошку,
У твоего бродящую крыльца,

Равно жалѣла. Къ твоему окошку
Всѣ бѣдняки окрестныхъ деревень
Протаптывали вѣрную дорожку.

Въ раю теперь твоя святая тѣнь.
Какъ твердо ты твоей служила вѣрѣ,
Полна любви Христовой. Въ лѣтній день,

Бывало, стукну я у низкой двери,
И въ бѣдный домъ войду. Какъ ангелъ ты;
Вокругъ ютятся страждущіе звѣри,

Горятъ лампадки, и цвѣтутъ цвѣты,
И ты—живой символъ долготерпѣнья—
Струишь на всѣхъ сіянье доброты.

Среди страстей окружнаго кипѣнья
Ты пребыла младенчески чиста.
Вся жизнь твоя—молитвенное пѣнье;

Ты—ѳиміамъ передъ лицомъ Христа.
Твоя весна текла подъ сводомъ храма,
Въ горнилѣ бѣдъ, молитвы и поста;

И горькой жизни тягостная драма
Спокойною зарей завершена.
Ты умерла, какъ облакъ ѳиміама;

Надъ гробомъ—миръ, покой и тишина,
И каждый годъ трава могилы малой
Родной любви слезой орошена.

Надъ насыпью, вовѣки не увялый,
Цвѣтетъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.
Фіалка синяя и розанъ алый

Сквозь изумрудъ березовыхъ листовъ
Благоухаютъ вечерами мая.
И дремлетъ рядъ разрушенныхъ крестовъ,

Словамъ небесъ задумчиво внимая.

ЗОЛОТАЯ СМЕРТЬ.

Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса.

П у ш к и н ъ.

I.

ГИМНЪ ОСЕНИ.

Вотъ въ лѣсу золотошумномъ
Глохнутъ мертвыя тропы.
Гулко бьютъ по твердымъ гумнамъ
Однозвучные цѣпы.

Въ переливахъ изумруда
Блещетъ, зыбко рябь струя,
Гладь расплавленнаго пруда—
Голубая чешуя.

Вѣтеръ дунетъ. Воду тронетъ,
Пошевелитъ стрекозу.
Золотистую уронитъ,
Грустно, дерево—слезу.

Небывалою усладой
Полонъ я. Не шелестя,
Пролетай и въ волны падай,
Листъ—отцвѣтшее дитя!

Что-то какъ-то миновало.
Гдѣ-то кончилась гроза.
Безъ преградъ, безъ покрывала
Вѣчность смотритъ мнѣ въ глаза.

Кто-то властный рекъ: довольно.
Усмирившись и внемля,
Вновь безлюдна, безглагольна,
Вновь молитвенна земля.

Кругъ полей—свободнѣй, шире.
Въ безконечность убѣжа,
Тлѣетъ въ пламенной порфирѣ
Лѣса дальняя межа.

Въ этомъ кроткомъ позлащеньѣ,
Въ вѣщемъ шорохѣ листвы,
Извѣщенье возвращенья
Жаркой майской синевы.

Смерть съ рожденьемъ—вѣчно то же,
Какъ начало и конецъ.
Осень, шествуй, въ чащахъ множа
Искрометный багрянецъ!

Возрастающимъ сверканьемъ
Жажду сердца утоли!
Лѣсъ, пускай мы вмѣстѣ канемъ
Въ смерть роскошную земли.

Нѣжитъ матовая краска
Отвердѣвшаго листа.
Съ дѣтства вѣдомая ласка
Въ дальнемъ небѣ разлита.

Въ синемъ блескѣ мысли стынутъ...
Иль изъ книги бытія
Возрастъ отроческій вынутъ,
Или вновь младенецъ я?

II.

ЖАРКІИ ПОЛДЕНЬ.

Въ чащѣ лѣсной густодебренной
Легъ я въ колючей травѣ.
На небѣ облакъ серебряный
Тихо плыветъ въ синевѣ.

Полно, душа! не измѣривай
Тягость грядущаго дня.
Тѣнь отъ зеленаго дерева
Ласково лижетъ меня.

Мигъ совершеннаго отдыха.
Гдѣ-то затеряна цѣль.
Теплаго синяго воздуха
Грѣетъ меня колыбель.

III.

РЯБИНА.

Солнце блеститъ на заржавленномъ желобѣ.
Утро—морознѣе; даль—необъятнѣй.
Въ небѣ безоблачномъ бѣлые голуби
Вьются надъ ветхой моей голубятней.

Ярко, свѣтло, и свободнѣе дышится.
О, этотъ вольный полетъ голубиный!
Въ небѣ далекомъ, холодномъ колышатся
Красныя кисти созрѣвшей рябины.

Снова становишься міра невольникомъ...
Дыма взвиваются сизые клубы.
Тамъ журавлей, что летятъ треугольникомъ,
Зычно раздались призывныя трубы.

IV.

ПОСЛѢДНЯЯ РОЗА.

Холодны зори, и осень побѣднѣе.
Желтыхъ лѣсовъ опустѣлыя сѣни...
Ночью холодною роза послѣдняя
Дышитъ и слушаетъ вѣтеръ осенній.

Чахлый кустарникъ, безъ устали зыблемый...
Гибель предчувствуя, стонутъ дубравы,
Стонутъ, взываютъ: погибли, погибли мы!
Въ тускломъ сіяніи—сѣрыя травы.

Носятся дымныя тучи несмѣтныя,
Саваномъ призрачнымъ мѣсяцъ облекши.
Міра усталаго жалоба тщетная...
Радости память, безслѣдно протекшей.

V.

НА БАЛКОНѢ.

Сладостно міръ умираетъ.
Здѣсь, на балконѣ пустомъ,
Вѣтеръ холодный играетъ
Мертвымъ листомъ.

Лѣсъ—неподвиженъ и мутенъ,
Сѣрая мгла—надъ рѣкой.
Призракъ любви... онъ—минутенъ!
Вѣченъ вселенной покой.

Жизни, стремленій не нужно.
Вечеръ. Сине и темно.
Вѣтеръ, что съ жалобой вьюжной
Бьешься въ пустое окно?

VI.

СѢРЫЙ ДЕНЬ.

Падаютъ сгнившіе желуди.
Поле готово отцвѣсть.
Вѣтеръ о снѣгѣ и холодѣ
Началъ ненастную вѣсть.

Влагой наполнено до края
Бѣлое небо вверху;
Зелень—безпомощно мокрая,
Листья желтѣютъ на мху.

Вѣтеръ, довольно! суровую,
Бурную силу ослабь!
Пруда поверхность свинцовую
Морщитъ ненастная рябь.

VII.

ПЕЧАЛЬ.

Истомился я долгою мукой,
Но душа не въ конецъ сожжена.
Убаюкай меня, убаюкай,
Голубыхъ вечеровъ тишина!

Я тихонько иду по оврагу,
И съ лазурью роднится душа.
Подъ ногою отъ каждаго шагу
Просыпаются листья, шурша.

Нѣтъ, весенняго счастья не надо!
Сердце, вечеръ съ покорностью встрѣть,
Чтобъ въ безмолвьѣ опавшаго сада,
Какъ заря, на зарѣ, умереть.

VIII.

У ПРУДА.

Еще за ночь съ оранжеваго клена
Упало нѣсколько листковъ,
Холодная лазурь—прозрачна, углублена
Безъ тучъ и облаковъ.

Дорогу преграда, съ березы вѣтка свисла,
Въ осенней золотой парчѣ.
Ты шла; и зыблилось, и пѣло коромысло
На дѣвственномъ плечѣ.

Вотъ прудъ заискрился, и золотой, и синій,
Волнами жидкаго свинца.
Коснулся тихій лучъ, скользнувши по рябинѣ,
До твоего лица.

И для меня слились въ священную прощальность
И ты, и облетавшій лѣсъ,
И переливы струй, и голубая дальность
Безоблачныхъ небесъ.

IX.

УСПОКОЕННОСТЬ.

Сохнутъ дорожныя рытвины,
Кроткимъ лучомъ осіянны,
Выси—лазурно-молитвенны;
Травы луговъ—безуханны,

Осень безстрастною лаской
Сердце ласкаетъ влюбленно.
Надъ опустѣлой терасской—
Шелестъ златистаго клена.

Чѣмъ эта ясность безбурная,
Чѣмъ этотъ вечеръ заслуженъ?
Небо—такое лазурное,
Облакъ—такъ нѣжно жемчуженъ.

Радость лазурной невинности
Въ душу вливается свыше
Въ этой священной пустынности,
Въ блескѣ осеннихъ затишій.

Вижу у пруда заглохшаго
Въ золотѣ рдяную кисть я;
Съ дерева, грустно засохшаго,
На воду сыпятся листья.

Небо—омытѣй, увлаженнѣй.
Лѣсъ не шелохнетъ верхушки.
Дровъ серебристыя саженi
Сложены вдоль по опушкѣ.

Грѣются—бѣдныя—спилены—
Въ ласкѣ святыхъ поднебесій.
Тропъ озлащенныхъ извилины
Въ мертвомъ теряются лѣсѣ.

Лейся же, ласка цѣлящая!
Міръ безболѣзненно вянетъ.
Осень, забвенье сулящая,
Осень меня не обманетъ.

SILVAE.

Jours de travail! seuls jours où j'a vécu!
A. Musset.

I.

ИСТРѢ.

По тебѣ не рыщутъ флаги,
Ты не носишь корабли.
Ты ледѣешь въ синей влагѣ
Юныхъ нимфъ моей земли.

Волны рѣзвы, волны быстры,
И сверкучъ студеный валъ.
Золотое имя Истры
Кто тебѣ, родная, далъ!

Словно радуясь свободѣ
Отъ разрушеннаго льда,
Въ дни весенниихъ половодій
Какъ гремитъ твоя вода!

И, взревѣвъ какъ звѣрь огромный,
Мирно катишься потомъ
Тамъ, гдѣ Павловскъ многохолмный
Блещетъ пламеннымъ крестомъ.

Огороды огибая,
Хóлмы кругомъ оплетя,
Золотая, голубая,
Ты смѣешься какъ дитя.

То струишься гордо, плавно,
То взволнуешься, и вновь—
Своевольна, своенравна,
Словно дѣвичья любовь!

Ты трепещешь, мечешь искры,
Завиваешься кольцомъ;
И глядится въ лоно Истры
Нимфа съ розовымъ лицомъ.

Отливаешься червонцемъ,
И въ кристалѣ синихъ струй
Ослѣпителенъ подъ солнцемъ
Блескъ серебряныхъ чешуй.

Но, отъ буйствъ уставши дикихъ,
Ты въ зерцалѣ отдала
И обителей великихъ
Золотые купола.

Истра! Богомъ ты хранима.
Знакъ тебѣ священный данъ:
Возлѣ рощъ Іерусалима
Ты зовешься Іорданъ.

II.

ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ.

1.

Ты, Брюсовъ, не былъ бы униженъ
Среди поэзіи царей,
И къ ямбу Пушкина приближенъ
Твой новоявленный хорей.

Я женской, медленной цезурѣ
Послушнымъ былъ рабомъ, и вотъ
Твоихъ созвучій ярой бури
Меня схватилъ водоворотъ.

То вѣщимъ магомъ, то ученымъ,
Ты всталъ: безжалостно гремѣть.
Въ твоемъ стихѣ озолоченомъ
Звенитъ Виргиліева мѣдь.

Твой стихъ, что конь, въ кипящей злобѣ
Уздою сдержанный едва,
И какъ удары мелкой дроби
—Твои короткія слова.

Чредой подъемовъ и паденій
Твой стихъ бѣжитъ, какъ валъ въ рѣкѣ.
Ты замыкаешь вихрь видѣній
Въ одной стремительной строкѣ.

Ты тлѣющаго манускрипта
Разжечь угасшій духъ сумѣлъ.
Поешь ты о богахъ Египта,
Какъ будто ихъ когда-то зрѣлъ.

Равно ко всѣмъ явленьямъ чуткъ,
Передаешь въ напѣвахъ ты
И ласки грѣшныхъ проститутокъ,
И чистыхъ мученицъ мечты.

Всегда иной, всегда притворный,
Ты созерцаешь снѣгъ вершинъ,
Вдыхая чистый воздухъ горный,
Самъ—въ тинѣ илистыхъ низинъ.

2.

Ты, Валерій, Пушкина лиру поднялъ.
Долго въ прахѣ звонкая лира лежала.
Въ пальцахъ ловкихъ вновь разсыпаетъ лира
Сладкіе звуки.

Далъ ты мѣтко въ рѣчи созвучной образъ
Въ шлемѣ мѣдномъ воина Рима. Равенъ
Стихъ искусный мѣдному звону рѣчи
Римскихъ поэтовъ.

Ты Эллады нѣжныя понялъ пѣсни.
Ты рисуешь дѣвы стыдливой ласки.
Пѣсни льются Аттики синимъ небомъ,
Медомъ Гимета.

Властно, крѣпко стихъ съ мѣднозвонной риѳмой
Ты чеканишь; образы—ярки; краски—
Сочны, свѣжи; цѣльною жизнью строфы
Полныя дышатъ.

Вѣчно, вѣчно памятны будутъ, Брюсовъ,
Всѣмъ поэтамъ сонъ Аріадны нѣжной,
Въ мірѣ мертвыхъ стоны Орфея; вѣчны
Вопли Медеи!

5.

ВЪ ОТВѢТЪ НА «ОЗИМЯ».

Прахъ, вспоенный влагой снѣга,
Рѣжетъ генія соха.
Звука Пушкинскаго нѣга!
Пушкинъ—альфа, ты—омега
Въ книгѣ русскаго стиха.

4.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЗТЕФАНОЕ

Нѣтъ, нашихъ пѣсенъ не изсякла
Когда-то мощная струя:
Въ тебѣ поэзіи Геракла
Встрѣчаютъ русскіе края.

Эллада, вновь изъ праха вырой
Кумировъ мертвыхъ тѣлеса;
Воскресъ Орфей съ волшебной лирой,
Чтобъ двигать камни и лѣса!

Но жребій царственный поэта
Язвящимъ терніемъ остеръ:
Тебя зоветъ вторая Эта
И очистительный костеръ.

Свиваясь, сохнутъ листья лавра
Въ пожарѣ яростныхъ страстей,
И ядовитый плащъ кентавра
Сжигаетъ тѣло до костей.

Но—полубогъ—ты прянулъ въ небо,
И нектаръ, сладкій и густой,
Тебѣ улыбчивая Геба
Подноситъ въ чашѣ золотой.

III.

АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

I.

Старинный лозунгъ: «Sanctus amor».
А. Бѣлый.

Нѣтъ, не даромъ мы съ тобой
Время долгое безъ сна
Зимней ночью голубой
Проводили у окна.

Помню, помню странно вдругъ
Измѣненныя черты,
Какъ, заслышавъ голосъ вьюгъ,
Притаился ты.

Свѣтъ лампады изъ угла
Таялъ на лицѣ.
За окномъ луна взошла
Въ трепетномъ кольцѣ.

Этой ночью голубой
Будемъ вмѣстѣ ждать зарю.
Этотъ лозунгъ за тобой
Вѣщимъ сердцемъ повторю.

2.

Εἰδὲ θανόντων περ καταλήθοντ' εἰν Ἀΐδαο,
αὐτὰρ ἐγὼ καὶ κοῖδι φίλου μεμνήσομ' ἑταίρου
Ὅμηρος, X, 389, 390.

Тебѣ привѣтъ мой съ бѣдныхъ, болотныхъ мховъ,
Гдѣ топи вяжетъ первый осенній ледъ,
Я шлю на дальнюю чужбину—
Родины ласку и ласку друга.

Пустѣютъ, глохнутъ рощъ золотыхъ дворцы,
Ароматиченъ мертвый, истлѣвшій листъ.
Сверкаетъ сталью прудъ студеный—
Рыбъ омертвѣлыхъ глухая урна.

Услышь мой голосъ въ пышномъ раю искусствъ,
Патроклъ мой кроткій, мой дорогой Орестъ,
Съ временъ безпомощнаго дѣтства
Братъ мнѣ по сердцу и братъ по лирѣ.

Давно ужъ муза черныхъ твоихъ кудрей
Вѣнчала розсыпь гроздьями чермныхъ розъ,
Когда некрѣпкими перстами
До золотыхъ я коснулся вервій.

Согласно жили нашихъ богини лиръ:
Въ одинъ вплетались запечатлѣнный хоръ
Твоя роскошная царица
Съ бѣдною музой моей деревни.

Почто развелъ насъ неумолимый Рокъ?
Святой оракулъ вновь не постигъ Парисъ:
Ладья фригійская проникла
Къ Спартѣ святой, въ тростники Эврота.

Ахъ! сколько сирыхъ всплачется матерей
И овдовѣлыхъ сколько воскликнетъ женъ:
О еслибъ, красная Елена,
Ты не срывала фіалокъ Иды!

Кому оплакать нашъ злополучный рокъ?
И твой Менетій прежде тебя угасъ,
У струй скамандровыхъ Ѳетида
Плакать не будетъ о миломъ сынѣ.

Но цвѣсть весною будетъ мой дикій садъ,
Кусты прозябнутъ, что насадилъ отецъ,
И снова яблони-невѣсты
Грудь намъ овѣютъ душистымъ снѣгомъ.

И настежь окна синей веснѣ открывъ,
Я буду гостя съ чаяньемъ тихимъ ждать,
И первыхъ жаворонковъ трели
Будутъ мнѣ вѣстью о дальнемъ другѣ.

IV.

МАКСУ ВОЛОШИНУ.

сонетъ.

Ты говорилъ, а я тебѣ внималъ.
Элладу ты явилъ въ словахъ немногихъ:
И тишину ея холмовъ отлогихъ
И рощъ, гдѣ фавнъ подъ дубомъ задремалъ.

Когда бъ ты зналъ, какъ въ сердце принималъ
Я благостную нѣжность линій строгихъ.
Ты оживилъ напѣвы козлоногихъ
И спящихъ нимфъ, въ тѣни, безъ покрывалъ.

И понялъ я, что тамъ безвластно горе,
Что тамъ пойму я все безъ думъ и словъ,
Гдѣ ласково соединяетъ море

Брега мостомъ фіалковыхъ валовъ,
Въ которыхъ отразился сводъ лазурный,
Гдѣ рѣетъ тѣнь сестры надъ братской урной.

V.

А. Г. КОВАЛЕНСКОЙ.

Эринній грозныхъ горькій, безлирный вопль
Затмилъ внезапно дня твоего закатъ;
Какъ древле старица Гекуба,
Урны несла ты съ любезнымъ пепломъ.

Но не подрѣзанъ Скейскій высокій дубъ,
И синь какъ прежде твой заповѣдный Ксанъ,
И вѣютъ въ древней, дикой рощѣ
Тѣнь Поликсены и тѣнь Кассандры.

Съ каменьевъ храма стерта родная кровь;
Ахейской мѣди смолкъ смертоносный гулъ.
Цѣлятъ твое больное сердце
Тихія лиры, полей свирѣли.

Благоуханенъ жизни твоей отцвѣтъ,
Какъ зыбколистныхъ липъ золотой хитонъ,
И свѣжи дѣвственныя розы
Въ древнемъ раю твоего наслѣдства.

Твоей осенней, давней печали тишь
Лелѣетъ чутко вешній младенца смѣхъ,
И при тебѣ цвѣтетъ пышнѣе
Рдяный румянецъ веселой нимфы.

VI.

Г. А. РАЧИНСКОМУ.

Обѣтъ не ложенъ: царства любви ключарь
Тебя помазалъ тайнъ расточать дары,
И на твоихъ одеждъ омсты
Пала воня золотого мура.

Кого навѣдалъ полночью Никодимъ,
И кто подъ древомъ Наоанаила зрѣлъ?
Онъ возложилъ тебѣ на рамо
Крестъ страстотерпный и вождслѣнный.

Давно скудѣетъ древній Петра алтарь,
И не увидитъ гордый, безумный міръ
На сѣдинахъ твоихъ маститыхъ
Розы и тернія Аарона.

Глушитъ молитвы пышныхъ блудницъ кимвалъ,
Надъ прахомъ храмовъ черный возникъ Содомъ,
И полнъ фіалъ святого гнѣва
Сирыхъ слезами, младенцевъ кровью.

Блюди же втайнѣ Симона древній ключъ,
Который выпалъ изъ оскверненныхъ рукъ.
Да облегчитъ яремъ любови
Въ гору спасенья раба воззвавшій!

VII.

С. Н. ВЕЛИЧКИНУ.

стансы.

Мой другъ, единый изъ немногихъ
Еще неотнятыхъ судьбой!
Въ родныхъ поляхъ, въ поляхъ убогихъ
Мы снова встрѣтились съ тобой.

Былъ майскій вечеръ. Быстро тая,
Тускнѣла красная гряда.
Надъ темнымъ паркомъ золотая
Горѣла трепетно звѣзда.

Ты помнишь травъ благоуханье,
Зарю въ теченье ночи всей
И на разсвѣтѣ трепыханье
Золотоперыхъ карасей?

Съ удой, надъ аиромъ зеленымъ,
Ты, какъ сейчасъ, въ глазахъ стоишь.
Ползетъ туманъ; субботнимъ звономъ
Полна задумчивая тишь.

Идя родною Комарихой,
Ты пѣсню вольную запѣлъ.
Дышала зелень; вечеръ тихій
Благоуханьями кипѣлъ.

Твоя душа всегда уныла,
Тебѣ въ глаза глядится тьма;
И мнѣ угрозы затаила
Уже нависшая зима.

Но будетъ май, и мы воскреснемъ.
Тогда на родину причаль,
Чтобъ вмѣстѣ слиться нашимъ пѣснямъ
Въ одну старинную печаль.

VIII.

Н. С. ШУКИНУ.

1.

Вспомни о нашемъ послѣднемъ свиданіи,
Подъ небомъ печальнымъ
Зеленѣющей Даніи,
Гдѣ разносятся чайки рыданія,
Споря съ оркестромъ купальнымъ.

Вечеромъ дали
Станутъ невѣрнѣй, туманнѣй.
Въ окнахъ рояли
Нѣжно сольются съ словами простого романса
О ранней
Смерти влюбленнаго Ганса.
Въ Даніи горе
Станетъ прозрачнѣй и тише:
Между зеленыхъ каштановъ сверкаетъ такъ ласково
море;
Мягко звонятъ колокольни и высятся острыя крыши.

Вечеромъ сядь подъ плакучей, развѣсистой ивой,
И Андерсена
Вспомнишь разсказъ ты тоскливый—

О томъ, какъ измѣна
Бѣднаго, добраго Ганса убила.
Подъ ивой,
Тамъ, гдѣ ребенкомъ онъ съ нею бывалъ на свиданіи
Да, подъ зеленою ивой задумчивой Даніи
Бѣднаго парня могила.

Данія!
Помнитъ ли нынѣ твое вѣчно сѣрое море
Про всемірное, вѣчное горе,
Про глухія страданія
Принца печальнаго, въ черномъ беретѣ, со шпагой?
Или уснуло оно, погребенное влагой
Волнъ, что сѣрѣютъ и въ небо уходятъ, спокойныя?
Все неподвижно; пестрѣютъ домовъ черепицы,
Въ лазури плескаются флаги,
Льются оркестра созвучія стройныя,
И проносятся сѣрыя птицы.
Да, но когда океанъ свою даль затуманитъ,
Смолкнетъ тревога докучная жизни вседневной,
Образъ печальнаго принца подъ мѣсяцемъ встанетъ—
Призракъ тоскующій, жаждущій мести и гнѣвный.

Да, золотыя преданія
Ты сохранила, страна безъисходной неволи!
Небо неясное, воздухъ больныхъ меланхолій—
Зеленая Данія!

2.

Помнишь ночь? Зари дрожало пламя,
Лѣтній день и холодѣлъ, и гасъ.
По дорогѣ пыльной, межъ полями,
Дребезжалъ нашъ ветхій тарантасъ.

Вѣтеръ выл, холодный и зловѣщій;
Надъ болотомъ зыблился туманъ.
Тамъ, въ задкѣ, позвякивали вещи,
Кувыркался сѣрый чемоданъ.

Помнишь, какъ «должно-быть опоздали»,
Выѣхавъ изъ лѣса, ты сказалъ.
Передъ нами въ темно-синей дали
Огонькомъ едва мерцалъ вокзалъ.

И, со всѣхъ сторонъ объятый мракомъ,
Озаряя сумрачный просторъ,
Въ вышинѣ надежнымъ, вѣрнымъ знакомъ
Загорѣлся грустный семафоръ.

Помнишь, какъ въ вагонѣ полутемномъ
Мы предались неземной мечтѣ.
Жизни смыслъ таинственно-огромнымъ
Представалъ въ вагонной темнотѣ.

И стучали яростно колеса,
И баюкалъ равномѣрный звукъ...
И къ нестройнымъ голосамъ хаоса
Чутко ты прислушивался, другъ.

Этотъ мигъ не можетъ быть случаенъ...
Помнишь, какъ, перелѣзая рвы,
Ночью мы скитались у окраинъ
Тьмой огней мерцающей Москвы?

Этой ночью, свѣтлой и прощальной,
Нашъ союзъ навѣки заключенъ.
И, премудрый, строгій и печальный,
Ты въ душѣ моей запечатлѣнъ.

IX.

ИЗЪ ЭПИѲАЛАМЫ.

Все улыбается свѣтло Вамъ:
Цвѣсти природа начала;
Кружится въ сумракѣ еловомъ,
Надъ мохомъ, первая пчела.
Шумятъ разлившіяся воды,
И на закатѣ хороводы
Тревожатъ пѣснью сонъ деревъ.
Подъ звонкій смѣхъ веселыхъ дѣвъ
Летаютъ легкія качели.
Подъ искрометной синевой
Свѣтлѣетъ ярко зелень хвой,
И Primavera Ботичелли,
Подъ говоръ птичьихъ голосовъ,
Скользитъ межъ нимфъ, въ глуши лѣсовъ.

И, теремъ льда разбивъ хрустальный,
Реветъ ручей, какъ дикій скимнъ;
И шумъ воды, и звонъ пасхальный
Сливаютъ звуки въ общій гимнъ.

И громъ воды, и пѣнье мѣди
Все, все вѣщаетъ о побѣдѣ,
И грудь земли открыла всѣмъ
Восторговъ праздничный эдемъ.
Гуляетъ вѣтеръ вольно, шумно
Надъ первой зеленью листовъ.
Въ коронѣ полевыхъ цвѣтовъ,
Въ объятья милаго Вертумна
Помона юная спѣшитъ;
И вѣтеръ травами шуршитъ.

Въ саду вечернемъ, благовонномъ,
Поетъ скрипучее ведро.
И солнце прячетъ, внемля звонамъ,
Багрянозлатное ядро.
Поля овѣялъ сумракъ мирный
И—свѣточъ области эеирной—
Одинъ, на синевѣ густой,
Выходитъ Гесперъ золотой.
И соловей—любовникъ томный—
Когда забрезжила звѣзда,
Поетъ, порхнувши изъ гнѣзда,
Надъ сонным прудомъ, въ рощѣ темной.
Цвѣты—священный оиміамъ,
И звѣзды—клиръ, и роща—храмъ.

X.

МОСКВА.

Виктору Гофману.

I.

И этихъ лѣтъ я съ сердца не сотру:
Воспоминанія тѣмъ явственнѣй, чѣмъ старѣ.
Какъ помню я прогулки поутру
И радость игръ на Зубовскомъ бульварѣ!
Я ростомъ былъ тогда почти что клопъ,
Но помню яркость первыхъ созерцаній,
Какъ я испуганно порою жался къ нянѣ,
Увидѣвъ желтый, деревянный гробъ...
Какъ я всегда любилъ весну въ Москвѣ:
Побѣгъ ручьевъ, дѣтей веселыхъ визги
И одуванчики въ густой травѣ,
Какъ золота расплавленнаго брызги.
Пролеткъ яростно грохочетъ колесо;
Листы березъ—благоуханно клейки.
Ребенокъ катитъ желтое серсо,
Болтаютъ няни, сидя на скамейкѣ.
Вотъ мальчуганъ, одѣтый какъ матросъ,
Прошелъ съ зеленымъ, глянцевитымъ шаромъ...
И небеса синѣютъ надъ бульваромъ,
И вѣтеръ шелеститъ вершинами березъ.

Лужайки, влажнымъ свѣтомъ залитыя,
Костюмовъ свѣжихъ разноцвѣтный драпъ,
И дѣвочекъ головки золотыя,
И ленты ихъ весенних, легкихъ шляпъ!

Порой случалось забрести на рынокъ,
Гдѣ пахли рыбъ обмерзлые хвосты.
Тамъ находилъ я пищу для мечты
Средь грубо размалеванныхъ картинокъ,
Повѣшенныхъ въ порядкѣ вдоль стѣны.
Меня пугала тѣлъ грѣховныхъ груда,
Летящихъ въ бездну ада, и Іуда
На огненныхъ колѣняхъ сатаны.
Я помню вывѣску съ надтреснутою буквой,
Капусты запахъ, грязные столы,
И кадки, мерзлою наполненныя клюквой,
И много мокрой, красной пастилы.

Какъ я любилъ осматривать кіоски,
Читать названія дешевыхъ книгъ,
И въ колокола нѣжномъ отголоскѣ
Подслушивать знакомый мнѣ языкъ.
Я межъ Остоженкою и Арбатомъ выросъ,
И помню въ смутномъ, дѣтскомъ полуснѣ
Приходскій храмъ, и полный пѣвчихъ клиросъ,
Иконостасъ, сіяющій въ огнѣ.
Я помню тихій Штатный переулокъ
И въ небѣ знаки первые весны:
Просохли камни, шумъ пролетокъ гулокъ,
И облаковъ бѣгутъ причудливые сны.
Какъ ярки травъ зеленые побѣги!
Все омывается волнами янтаря...
И гаснетъ память о недавнемъ снѣгѣ,
И гаснетъ медленно вечерняя заря.

2.

Веселый вечеръ майскій. Всѣ отъ жара
Выходятъ отдохнуть, садятся у крыльца,
И грохотъ музыки доносится съ бульвара...
Межъ листьями горятъ отливы багреца.
Вкругъ храма бѣлаго, въ пыли, уснули скверы,
На клумбахъ выблются спаленные цвѣты,
И еще дышитъ зной отъ каменной плиты.
Роями вывелись на улицахъ гетеры,
И, тросточкой махая, кавалеры
Имъ шепчутъ на ухо развратныя слова.
Бульваръ стоитъ теперь, и густъ, и пыленъ...
Уже дѣтьми истоптана трава,
И противъ шалуновъ городовой безсиленъ.
Всегда знакомыхъ встрѣтишь въ этотъ часъ.
На пыльномъ небѣ звѣздочка мерцаетъ,
И гдѣ-то мертвый вспыхиваетъ газъ...
И незамѣтно ночь горячій день смѣняетъ.
А въ переулкахъ, у Москвы-рѣки,
Фабричные толпятся, дѣти, бабы...
Здѣсь замираетъ гулъ пролетокъ слабый;
Отражены въ водѣ, мерцаютъ огоньки;
А западъ меркнетъ, тусклый и кровавый.
Въ сіяніи лучистыхъ, крупныхъ звѣздъ
Блестятъ Кремля золоченыя главы
И обрисованный узоромъ четкимъ крестъ.
Далеко садъ раскинулся тѣнистый,
А тамъ, за нимъ—несмѣтные огни.
Пріятно сѣсть подъ деревомъ, въ тѣни,
Гдѣ вѣетъ вѣтеръ чистый.

Люблю Никольскую полночною порой;
Здѣсь экипажей шумъ и заглушенъ, и ровенъ;
Люблю я двери запертыхъ часовенъ
И огонекъ лампадки золотой.
Я, шляпу снявъ, крещусь благоговѣйно...
Вдругъ—бѣлый свѣтъ изъ верхняго окна,
И вижу вывѣску нарядную Феррейна,
Гдѣ до утра не знаютъ сна.
Закрыты окна лавки синодальной.
Вотъ у дверей, затворенныхъ пока,
Молебна ждетъ народъ многострадальный:
Въ немъ вѣра въ чудо глубока.

О, ночи синія! притихшій гулъ пролетокъ!
Душа, восторгъ невыразимый пей.
Луна, скиталица заоблачныхъ степей,
О, какъ твой взоръ—и благостенъ и кротокъ!

XI.

ВЪ ВАГОНѢ.

За окномъ блестятъ поляны
При серебряномъ серпѣ.
Опустѣлые диваны...
Я—одинъ въ моемъ купе.

Гдѣ ты, счастье? гдѣ ты, горе?
Гдѣ друзья и гдѣ враги?
Тамъ, за дверью, въ корридорѣ
Чьи-то мѣрные шаги.

Гдѣ ты, жизни сонъ тяжелый?
Отчего бѣгу, куда?
Пролетаютъ мимо села,
Города.

Задремалъ въ вагонѣ душномъ.
Стѣны давятъ, словно гробъ.
Гаснетъ въ сумракѣ воздушномъ
Искръ мгновенныхъ яркій снопъ.

Мчится поѣздъ съ легкимъ трескомъ.
Въ край далекій повлекло...
Лунный серпъ холоднымъ блескомъ
Ударяетъ о стекло.

Озаренные диваны
Въ отдѣленьѣ безъ огня.
Какъ родные, чемоданы
Съ полки смотрятъ на меня.

XII.

НА ПОБЕРЕЖЬѢ.

Берегъ, дикій и песчаный,
Волнъ пространство голубое;
Шумъ немолчный, неустанный
Набѣжавшаго прибоя.

Чайка бѣлая взлетѣла,
Закружилась, и упала,
И исчезла въ пѣнѣ бѣлой
Набѣгающаго вала.

Взволновавшаяся пѣна,
Разбиваясь, исчезаетъ;
Но изъ бездны неизмѣнно
Ропотъ новый возникаетъ.

Берегъ, дикій и песчаный,
Волнъ пространство голубое;
Шумъ немолчный, неустанны
Набѣжавшаго прибоя.

XIII.

БѢЛИЦА.

«Горе мнѣ душу томитъ,
Скучно мнѣ въ кельѣ досчатой.
Плотно обставленъ нашъ скитъ
Елей стѣною зубчатой.

Въ кельяхъ душистой смолой,
Масломъ и ладаномъ пахнетъ.
Тяжко мнѣ жить, молодой:
Жизнь моя дѣвичья чахнетъ.

Сестры протяжно поютъ,
Платья убоги и грубы.
Взглянешь кругомъ: лишь встаютъ
Келій дубовые срубы.

Пахнетъ, синѣетъ весна.
Голосъ кукушечій слышенъ.
Иль я лицомъ не красна?
Станъ мой—не строенъ, не пышенъ?

Въ горы пойду погулять
(Вся истомилась я за годъ),
Пѣсни попѣть, посбирать
Дикихъ цвѣточковъ и ягодъ.»

Съ крикомъ надъ тихой рѣкой
Носится вольная птица.
Сходитъ по горкѣ крутой,
Въ бѣломъ платочкѣ, бѣлица.

Полны глаза ея слезъ...
Бѣлые рѣчки извивы,
Тонкіе прутья березъ,
Дымно-прозрачныя ивы.

Съ горки неслышно скользя,
Тихо минуетъ тропинку,
Къ алымъ губамъ поднеся
Хилую травку—былинку.

Плачетъ она, и платокъ
Сжала дрожащая ручка.
Камень летитъ изъ-подъ ногъ...
На небѣ—сѣрая тучка.

XIV.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТА.

Мой фонарь затепленъ. Гдѣ ты?
Въ небѣ—таянье свѣтилъ.
Сладкимъ именемъ Джульеты
Я бужу покой могилъ.

Путь мой вѣренъ. Вотъ ограда.
Мѣста нѣтъ мольбамъ, слезамъ.
Ты со мною, стклянка яда—
Исцѣляющій бальзамъ.

Поцѣлуямъ, ласкамъ, вздохамъ
Говорю «прости». Съ тобой
Лягу я подъ чернымъ мохомъ
Зарастающей плитой.

Вижу ликъ—снѣговъ безкровнѣй.
Въ волосахъ увялъ вѣнокъ.
Передъ образомъ, въ часовнѣ,
Рдѣетъ красный огонекъ.

Жизни тягостныя цѣпи
Что мѣшаетъ мнѣ совлечь?
Никого—въ фамильномъ склепѣ,
У бедра—мой вѣрный мечъ.

Помню вечеръ первой встрѣчи;
Рядъ высокихъ, длинныхъ залъ,
Зеркала, портреты, свѣчи—
Беззаботный, шумный балъ.

Помню бѣшеныя пляски,
Музыку съ высокихъ хоръ.
Изъ-подъ черной полумаски
Незнакомый, нѣжный взоръ.

Шпаги, пестрые камзолы,
Прелесть игръ на всѣ лады.
Шумъ разгульный, шумъ веселый.
Въ вазахъ—красные плоды.

«На разсвѣтѣ, на разсвѣтѣ
Дверь балкона отвори!»
Надъ садами Капулетти
Первый робкій лучъ зари.

—

Жду: вотъ раскроются двери балкона;
Свѣтится милой окно въ вышинѣ.
Тамъ, далеко, за садами, Верона
Спитъ въ голубой тишинѣ.

О, дорогая, прости. Слышу: въ полѣ
Жаворонокъ трелью о днѣ возвѣстилъ.
Нѣтъ, не могу оставаться я долѣ;
Таетъ сіянье свѣтилъ.

—О, погоди: нѣтъ, не жавронокъ это;
Мирно полнощный поетъ соловей.
Сонно въ поляхъ. Далеко до разсвѣта.
Страхъ свой напрасный развѣй.

Ты ль это, ты ль на холодномъ гранитѣ?
Ты ль, чьи уста были такъ горячи!
Плавно на кудрей златистыя нити
Льются лампады лучи.

Вотъ онъ, въ холодномъ, стекляномъ сосудѣ
Мутный, страданья кончающій ядъ.
Грудью къ твоей припадаю я груди,
Холодомъ смерти объятъ

XV.

UM DIE LINDE.

...надъ этой сладкой прозой..
Брюсовъ.

Малый и старый
Сошлися у липки.
Кружатся пары
Подъ пѣніе скрипки.

Старые, трубки куря,
Пиво баварское пили.
Тамъ зажигала заря
Церкви готической шпили.

Дѣвушкѣ нравится парень одинъ:
Щечки зардѣли, и смотритъ въ передникъ.
Парень—сосѣдняго фермера сынъ,
Съ виду хорошъ и богатый наслѣдникъ.

Нравится Генриху пухлая Минна,
Только ее выбираетъ для пляски.
Робко прильнула къ нему, и невинно
Смотрятъ на юношу синіе глазки.

Слышится смѣхъ, болтовня, комплименты...
Блещетъ помада на черныхъ усахъ.
Желтыя, алыя, синія ленты
Прыгаютъ въ русыхъ и черныхъ косахъ.

Что за красавицы! сочныя губки,
Щечки—что розы и вздернутый носъ!
Старые курятъ задумчиво трубки,
Пьютъ, обсуждая серьезный вопросъ.

Парни танцуютъ умѣло и браво;
Кружатся, вертятся—цѣлый ихъ полкъ.
Дѣвушки носятся влѣво и вправо,
Только шуршитъ, развѣвается шелкъ.

Малый и старый
Сошлися у липки.
Кружатся пары
Подъ пѣніе скрипки.

XVI.

ГЕРКУЛЕСЪ НА РАСПУТЬѢ.

СТАРАЯ КАРТИНА.

Въ тонахъ потухшихъ
Сюжетъ нарисованъ классическій:
Подъ листвой,
Не живой,
Какъ бы металлической,
Темно-зеленыхъ древесъ,
Въ душевной борьбѣ роковой,
На мраморной, гладкой скамейкѣ сидитъ Геркулесъ.
Въ женственной прелести всей,
У ногъ его—Афродита.
Въ золотѣ поясъ ея, въ жемчугахъ, изумрудѣ.
Вуалью прозрачныхъ кисей
Нѣжное тѣло повито.
Чашами круглыми высятся полныя груди.

Тѣло богини, цвѣтка полеваго стройнѣе и гибче ты
Надъ красками дивными немощны долгія лѣта.
Желтыя кудри богини—все также разсыпчаты,
Бѣлы, какъ встарь, жемчуговыя зерна браслета.
Жизнію дышатъ потусклыя краски холста.

Правда прошло по немъ время, кой-гдѣ отверстьемъ
пятная...
Но красота
Юной богини для смертнаго зрима.
Въ волосахъ роскошныхъ—цвѣтная
Діадима.
Полураскрыты уста.

Сладкое шепчетъ герою могучему слово.
На ногу мощную юноши нѣжно ступила нога.
Слезою перловой
Подъ розовымъ ухомъ сіяетъ серьга.
Глаза—изумрудно-янтарные,
Рѣчей убійственъ медъ.
Лепечетъ ласки коварныя...
А сзади сверкаютъ дворцы лучезарные
И пѣнный журчитъ водометъ.
Изъ бѣлаго мрамора лѣстница
Ведетъ въ роскошный покой.
Гибкой рукой,
Бѣлѣющей рѣзко на кожѣ героя, коричневой, смуглой,
Прелестница
Розанъ даетъ ему круглый.

Она—порока эмблема.
Противъ женщины первой,
Съ горгоной на стали шлема,
Стоитъ сурово Минерва.
Черты лица ея—строги,
И дышатъ мудростью взоры.
Въ даль Геркулеса она призываетъ и кажетъ властительнымъ пальцемъ
Кремнистыя, скудныя горы.

Безплодные всходятъ отроги,
Безъ травки, безъ рощи,
Одною украшены пальмой тощей.
Туда
Велитъ Геркулесу итти неустаннымъ скитальцемъ.
Путемъ лишеній, труда
Герою слѣдовать надо:
Всходить на обрывистый склонъ.
Тамъ, на вершинѣ, изъ мраморно-бѣлыхъ колоннъ
Гордо стоитъ колоннада.

Раздумія полнъ Геркулесъ.
Напряженіе видно въ чертахъ величавыхъ.
Блеститъ запутанный лѣсъ
Волосъ, умащенныхъ, курчавыхъ.
Хочетъ рѣшеніе онъ оттянуть проволочкой,
Минуты выбора тяжки.
Плащъ съ золотой отторочкой,
Конецъ багряной хламиды,
Накрылъ желѣзныя ляжки,
Упавъ съ колѣней Киприды.
Тѣло громадное вздули упругіе мускулы.
Какъ безконечно ласкаете взоры вы,
Краски картины потусклыя
Блѣднымъ и сумрачнымъ тономъ.
О, лепестки этой розы фарфоровой
Съ полураскрытымъ бутономъ.

XVII.

АЛТАРЬ ДІОНИСА.

Въ небо синее глядитъ
Темный конусъ кипариса.
Старый жертвенникъ стоитъ
Бога Діониса.

Замкнутъ садъ стѣной сырой.
Влажный сумракъ и прохлада.
Только тамъ и здѣсь порой
Промелькнетъ дріада.

Гдѣ лѣсныя божества
Потѣшались на свирѣляхъ,
Все умолкло, и трава
Прорастаетъ въ щеляхъ.

Долетѣлъ ручья напѣвъ
Изъ-за мраморной колонны.
Остро пахнутъ, перепрѣвъ,
Мертвые лимоны.

Скоро мочь большую тѣнь
На алтарь накинетъ.
Тишина. Горячій день
Понемногу стынетъ.

Люди здѣсь молились встарь
У подножья кипариса.
Это—брошенный алтарь
Бога Діониса.

XVIII.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Нѣтъ, не забыть мнѣ Ривьеры;
Дѣтскихъ годовъ,
Свѣжихъ садовъ
Сердцу родной Бордигеры.

Помню я горные склоны...
Какъ по утрамъ
Я по горамъ
Шелъ собирать анемоны.

Желтая вьется дорога.
Вотъ фіалокъ коверъ,
Разбѣгается взоръ:
Какъ душисты, какъ много ихъ, много

Помню, какъ виды далеки, какъ широки
Съ береговъ
И боговъ
Первые помню уроки.

Бордигера! Ты—матери нѣжное лоно —
Первыхъ дней колыбель —
Тихій отель
Лазерона!

XIX.

МУНЭ СЮЛЛИ и АЙСЕДОРА ДЕНКАНЪ.

Вы—двѣ иконы въ храмѣ моей души:
Слѣпецъ безумный, ярый Мунэ Сюлли
И ты, весенняя улыбка,
Нимфа Іонія, Айседора.

Я помню тѣлы, павшія съ плачемъ ницъ,
Съ масличной вѣтвью, возлѣ колоннъ дворца.
О, что вамъ, дѣти? что вамъ, дѣти,
Племя несчастное старца Кадма?

Склонилось солнце, кровель верхи златя.
Страдальцу шепчетъ дѣвушекъ легкій хоръ:
Повѣрь улыбчивой надеждѣ,
Кто была матерь твоя, младенецъ?

Не Аполлонъ ли, розоланитныхъ нимфъ
Любовникъ тайный, зачалъ тебя, дитя,
И нимфы грудью сладкомлечной
Былъ ты взлелѣянъ въ глухой дубравѣ?

Нѣтъ, брось надежды! отцеубійца—ты,
На Киеронѣ твой отзовется стонъ:
Кто осквернилъ преступнымъ браком
Матери, матери вдовье ложе?

Ты съ воплемъ вѣжды кованымъ бьешь ремнемъ,
И червленѣетъ кровью слѣпой зрачокъ.
Ты пресмыкаешься во прахѣ,
Звѣрь, уязвленный стрѣлою Рока.

Но что остудитъ яростныхъ мукъ костеръ?
Ахъ! кто осушитъ раны горячей кровь?
Прохладный вѣтръ любви дочерней:
Посохомъ старцу—плечо Исмены.

Я помню пляску нимфы Диркейскихъ струй,
О, Айседора, рощъ Эриманѳскихъ цвѣтъ!
Въ покровѣ изъ цвѣтовъ весенних
Ты устремлялась къ родному солнцу!

То рѣзвымъ фавномъ, стволъ приложивъ къ губамъ,
Топтала стебли дикихъ, лѣсныхъ цвѣтовъ;
То, наклоняясь къ бѣлой влагѣ,
Изнемогала въ истомѣ сладкой.

То, позабывши шелестъ родныхъ дубравъ,
Хитономъ краснымъ нѣжную скрывши грудь,
Смѣняла ты напѣвъ свирѣльный
Новыми гимнами арфъ небесныхъ.

Ты замѣняла родины злачный лугъ
Садами криновъ и золотыхъ плодовъ,
И полевыя розы Моска
Райскою лиліей Фра Беато.

То нисходила въ блѣдный загробный міръ,
Чаруя лирой страждущій хоръ тѣней.
Услышь мой голосъ, Евридика,
Голосъ любви за печальнымъ Оркомъ!

Вы—двѣ иконы въ храмѣ моей души.
Вы—два фіала горькихъ и сладкихъ грезъ:
Вы дали пить мнѣ на Голгоѳѣ
Оцетъ Софокла и медъ Гомера.

ПІЭРІЙСКІЯ РОЗЫ.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ Латинской музы голосъ
И я люблю Парнасскіе цвѣты.

Пушкинъ.

I.

ДАФНА.

Богъ Эротъ, ярясь на Феба,
Вольный летъ въ эоирѣ мча,
Двѣ стрѣлы свергаетъ съ неба,
Изостривъ и наточа.

Фебъ томится въ страстномъ плѣнѣ:
Грудь ему насквозь прожгла
Острымъ жаломъ вожделѣній
Златостольная стрѣла.

Ранитъ Дафны грудь невинной,
Леденящая сердца,
Та другая, съ сердцевиной
Изъ тяжелаго свинца.

И Эротъ, отмстивъ обиды,
Возвратился въ небеса.
Феба нимфы Пенеиды
Жжетъ расцвѣтшая краса.

Гдѣ журчитъ ручей прозрачный,
Весь въ серебряной пыли,
Дафны, вольной и безбрачной,
Дни веселые текли.

Въ бракъ ужъ вступить побуждалъ ее мѣстный
обычай,
Но въ неприступныхъ лѣсахъ укрываться любила
одна;
Мужа чуждалась, звѣриною тѣшась добычей,
Словно Діана, для страстной любви холодна.

Дафна скитаться любила въ лѣсистой тѣни молча-
ливой,
Всѣмъ женихамъ, что искали ея, отказавъ.
Русыя кудри, что прядью вились прихотливой,
Въ косу простую сплетала, повязкой связавъ.

Шепчетъ ей Делій: «О Дафна! подъ деревомъ сядемъ!
Внемли моленіямъ страстнымъ, и легкій покровъ
распусти.
Гребнемъ злаченымъ по этимъ распущеннымъ пря-
дямъ
Дай провести!»

Нимфа безстрастная тщетно ему прекословитъ...
Стройные члены раскинувъ межъ травъ и корней,
Онъ ей любуется, дышитъ въ лицо ей, и ловитъ
Кудри златистыя—шелковыхъ нитей нѣжнѣй.

Хвалитъ взоры—звѣздъ лучистѣй
(Какъ отъ устъ глаза отвлечь?);
Нѣжны руки, пальцы, кисти,
Бѣлизна открытыхъ плечъ.

Очи гнѣвомъ заблестѣли,
Скрылась въ міръ лѣсныхъ тѣней,
И язвимый страстью Делій
Съ воплемъ бросился за ней.

Не мирящійся съ разлукой,
Онъ проносится средь чащъ,
— Свѣтозарный, сребролукій,—
И по вѣтру вьется плащъ.

«Нимфа, постой! Какъ отъ льва убѣгаютъ олени,
Агницы отъ волка, какъ голубь летитъ отъ орла,
Что ты бѣжишь, спотыкаясь и раня колѣни,
Будто изъ лука стрѣла?

Нимфа, постой! Довѣряясь тропинкамъ невѣрнымъ,
Что ты бѣжишь, не внимая призывамъ любви?
Ноги безвинныя острымъ и жалящимъ терномъ
Не рви!

Знаешь ли, кто за тобою бѣжитъ? Я—не горный.
Грубый пастухъ, стерегущій родныя стада.
Знала бы, кто я, навѣрно ногою проворной
Ты бъ не бѣжала тогда!

«Знай: мнѣ Юпитеръ—отецъ; я—пророчества дивнаго дара
Богъ, и властитель я творческихъ грезъ.
Въ Дельфахъ мнѣ служатъ, покорны мнѣ Кларосъ, Патара
И Тенедосъ.

Стрѣлы мои безпощадны: невѣдомъ имъ промахъ;
Только стрѣла твоя стрѣлъ моихъ грозныхъ вѣрнѣй!
Рана томитъ меня: я среди травъ, мнѣ знакомыхъ,
Самъ врачеванья владыка, спасенья не вижу отъ ней.»

Дафна, робко розовѣя,
Все бѣжитъ скорѣй, скорѣй,
И, ея покровомъ вѣя,
Вѣтеръ треплетъ прядь кудрей.

Мчится нимфа въ ствольной дали,
Въ зыбкой лиственной тѣни.
Позолоченныхъ сандалій
Рвутся крѣпкіе ремни.

«Нимфа, стой, великъ, могучъ я,
Быстробѣжный Аполлонъ!»
Мнутся травы, гнутся сучья,
Эхо вторитъ гулъ и звонъ.

Зовъ любви его безсиленъ...
Дафна, розы розовѣй,
Мчится вѣтромъ межъ извилинъ
Дикихъ тропъ, во мглѣ вѣтвей.

Онъ нагналъ, и Дафна слышитъ,
Какъ дыханье горячо,
И подъ нимъ стыдливо пышетъ
Обнаженное плечо.

Рѣчь его—упорнѣй, гнѣвнѣй...
Дафна смотритъ: передъ ней
Воляны катитъ старецъ древній
Пѣнноблещущій Пеней.

И взмолилась: «о, родитель!
Ты—всевластенъ, ты—великъ.
Будь же дочери спаситель:
Измѣни злосчастный ликъ».

Смолкла, и стала, невиннаго агнца покорнѣй.
Тѣло ея цѣпенѣетъ, и груди одѣлись корой.
Рѣзвыя ноги впиваются въ землю, какъ корни.
Руки становятся сучьями, кудри—зеленой листвой

Складки одежды твердѣютъ, становятся глаже;
Зеленошумной вершиной замкнулись уста.
Вся измѣнилася Дафна, но та же,
Прежняя въ ней красота.

Любитъ ее и такой Аполлонъ, и, какъ члены,
Гибкіе сучья обвивъ, слышитъ сердца любимаго бой.
И поцѣлуи горячіе напечатлѣны
Имъ на корѣ, для отвѣтныхъ лобзаній нѣмой.

«Будешь отнынѣ цвѣсти безъ скончаній,
Будешь въ моихъ извиваться кудряхъ,
Будешь на цитрѣ, на звонкомъ колчанѣ,
Знакомъ побѣды на гордыхъ царяхъ.

Я примиряюсь съ враждебною долей.
Дафна, цвѣти же могучѣй, пышнѣй,
И на вождѣ, что войдетъ въ Капитолій,
Яркимъ побѣды вѣнкомъ зеленѣй!

Какъ мои кудри нетлѣнно хранимы,
Такъ свой зеленый уборъ сохрани;
Вѣчно цвѣти: и въ холодныя зимы,
И въ безпощадные лѣтніе дни».

Кончилъ Пѣснь; и, сму отвѣчая,
Лавръ колыхаться вершиною сталъ,
И, молодыми вѣтвями качая,
Что-то шепталъ.

II.

ПИРАМЪ И ѲИСБА.

У стѣнъ Вавилона
Раскинулись гущи веселыхъ садовъ.
Лазурное лоно
Бѣлѣетъ отъ парусныхъ, быстрыхъ судовъ.
На пристань товары
Слагаютъ купцы,
И высится старый
Воинственный городъ, и блещутъ дворцы.

И шумомъ торговли
Съ утра многолюдная гавань полна.
Колонны и кровли
Уходятъ въ лазурь, и синѣетъ волна.
Корабль мореходный
Въ чужую страну
Бѣжитъ, и холодный,
Рѣзвящійся вѣтеръ вздуваетъ волну.

Въ обителяхъ смежныхъ
Два сердца въ едино любовью слиты:
Межъ юношей нѣжныхъ
Пирамъ заслуживший вѣнокъ красоты
И Оисба, востока
Затмившая дѣвъ.
Но грянулъ жестоко
На юныхъ влюбленныхъ родительскій гнѣвъ.

Любовь невозможно
Залить безпощаднымъ запретомъ отца.
Сокрыто, тревожно
Все жарче, какъ угли, горѣли сердца.
Восторгомъ любовнымъ
Питались огни.
И знакомъ условнымъ
Нѣмую бесѣду водили они.

Отверстьемъ отмѣченъ
Былъ камень стѣны, раздѣлявшей чету.
Изъянъ—незамѣченъ
Никѣмъ при постройкѣ. Нѣмую плиту
Лобзаньемъ горячимъ
Влюбленные жгли,
И лаской, и плачемъ
Другъ съ другомъ сквозь стѣну сноситься могли.

И часто безплодно
Здѣсь шепчутся жалобы страстной четы,
И поочередно
Съ отверстьемъ смыкаются жадные рты.
И ласки шептали
Далекимъ губамъ,
И тихо роптали,
Покорными быть не желая судьбамъ.

«Зачѣмъ ты раздѣломъ
Завистливо стала межъ нами, стѣна?
О, если всѣмъ тѣломъ
Сопрячься не будетъ намъ радость дана,
Молю о немногомъ,
Молю,—не ревнуй—
Чтобъ сладкимъ обжегомъ
Хоть разъ на устахъ прозвучалъ поцѣлуй!»

Смѣшался тѣни,
И мракъ зачернѣлъ, одноцвѣтенъ и густъ.
И тихія пени
Умолкли, и вздохи посыпались съ устъ.
Все съ тою же жаждой
Имъ надо уйти.
И въ трещину каждый
Съ лобзаніемъ бросилъ рыданье: «прости!»

Аврора на мысахъ
Разсыпала искры. Туманъ поднялся.
Въ сіяніи высохъ
Зеленый, сребрящійся лугъ, и роса
Исчезла съ растеній.
Лучемъ золотымъ
Развѣялись тѣни.
Созвѣздья погасли одно за другимъ.

На мѣстѣ условномъ
Сошлись, и, сначала судьбу упрекнувъ,
Во мракѣ безмолвномъ
Рѣшаютъ, впервые родныхъ обманувъ,
Явиться сюда же,
Покинувъ дома.
Надъ зоркостью стражей
Побѣду ночная воспразднуетъ тьма!

И ласкамъ ихъ нѣжнымъ
Зеленое ложе подъ лунным лучомъ,
Подъ деревомъ, смежнымъ
Съ серебрянымъ, сонно бѣгущимъ ключомъ.
Здѣсь вкусятъ едино
Блаженство они,
Гдѣ статуя Нина
Бѣлѣетъ изъ мрака въ древесной тѣни.

На водное ложе
Склонился пылающій солнечный день.
Изъ моря того же
Вечерняя встала холодная тѣнь.
И Өисба, покровомъ
Окутавъ липо,
Къ завѣтнымъ дубровамъ
Пошла, повернувши дверное кольцо.

Согласно условью,
Подъ деревомъ сѣла, и видитъ: ворча,
Съ дымящимся кровью,
Рыкающимъ зѣвомъ ко влагѣ ключа
Приходитъ напиться,
Съ тяжелымъ хвостомъ,
Громадная львица.
И Өисба скрывается въ гротѣ пустомъ.

Во время испуга
Упалъ съ ея тѣла, развившись, покровъ.
И львица—подруга
Владыки обильныхъ звѣрями дубровъ—
На тонкомъ покровѣ,
Попавшемся ей,
Оставила крови
Багровыя капли и знаки когтей.

Безъ думы, безъ страха,
Выходитъ влюбленный, не чуя бѣды.
Дорожнаго праха
Краснѣютъ слои, и отъ звѣря слѣды
Замѣтны, и страшенъ
Пираму ихъ видъ.
И, кровью окрашенъ,
Покровъ неожиданно взоры язвитъ.

«Пускай же мы оба
Единою ночью погибнемъ! Но ты
Не гроба, не гроба
Достойна въ расцвѣтѣ твоей красоты.
Я жъ гибну виновнымъ,
Твой день загубя,
На мѣстѣ условномъ,
Безумецъ!—заранѣ не ждавшій тебя!

Съ веселостью злою
Преступника тѣло изгложете вы,
Подъ этой скалою
Живущіе, царственно-грозные львы,
И рявкая зычно,
И члены дробя.
Лишь робкимъ прилично
Безсильно хотѣть уничтожить себя!»

И милыя ткани
Слагаетъ подъ зыбкою тѣнью листа.
И слезъ и лобзаній
Мѣшаетъ дары, и кровавитъ уста.
И съ тихой бесѣдой
Упавши на ткань,
Онъ шепчетъ: «отвѣдай
И крови моей добровольную дань!»

Схватилъ къ поясницѣ
Привѣшенный мечъ, и вонзилъ остріемъ
Подъ грудь, и рѣсницы
Смежились, и кровь закипѣла ручьемъ,
Обильно осыпавъ
Багряной росой
Растенья, и, выпавъ,
Желѣзною мечъ засверкалъ полосой.

И кровь не иначе
Изъ раны забила, дымясь и кипя,
Струею горячей,
Какъ, возлѣ отверстія трубки, шипя,
Въ стремленіи яромъ
Вода закипитъ,
И мощнымъ ударомъ
Воздушныя волны сѣчетъ и кропитъ.

И исчерна-красны
Отъ крови на деревѣ стали плоды,
Гдѣ умеръ прекрасный
Пирамъ. Но, въ невѣдѣньѣ новой бѣды,
Влюбленная дѣва
Спѣшитъ подъ навѣсъ
Условнаго древа,
Хоть страхъ съ ея сердца не вовсе исчезъ.

Плодовъ перемѣны
Рождаютъ сомнѣнье въ ея головѣ.
Кровавые члены,
Въ предсмертномъ біеньѣ простерты въ травѣ,
Увидѣла—горю
Повѣрить не вмочь.
Подобная морю
Въ безвѣтріе, стала, отпрянувши прочь.

Но мигъ, и узнала
Пирама—единую сердца любовь.
И вдругъ застонала,
И слезы закапали въ жаркую кровь.
Младенца живѣе,
Коснулась до губъ,
И, кудри развѣя,
Сдавила руками нѣмѣющій трупъ.

И съ горестью жгучей
Вскричала:«Пирамъ, отзовись, отзовись!
Пирамъ! что за случай
Расторгъ насъ съ тобою? Пирамъ! подымись!
Но нѣтъ! ты не дышишь—
О, бѣдная я!
Пирамъ, ты не слышишь,
Что Ѳисба тебя называетъ твоя?»

При имени миломъ
Глаза, отягченные смертнымъ концомъ,
Онъ поднялъ, съ унылымъ,
Блуждающимъ взоромъ, и вѣскимъ свинцомъ
Сомкнулися вѣжды,
Зрачки отягча.
И Ѳисба одежды
Узнала свои и ножны безъ меча.

Безъ страха, безъ дрожи,
Сказала: «ты былъ доброволенъ въ крови.
Во мнѣ для того же
Достаточно силы, довольно любви!
Судьба наша—та же:
И смертью самой,
Могилою даже
Пирамъ отъ меня не отторгнется мой!

Васъ, нашему благу
Мѣшавшихъ отцовъ, я молю объ одномъ:
Пусть съ милымъ я лягу
Въ единой гробницѣ, подъ тѣмъ же холмомъ.
А дерево это
Убійства слѣды
Пусть носитъ, и цвѣта
Печальнаго, темнаго станутъ плоды.»

Сказала и прямо
Упала впередъ, чтобы грудью надечь
На кровью Пирама
Дымящійся, теплый, язвительный мечъ!
И темно-пурпурна
Плодовъ кожура,
И общая урна
Пріяла два тѣла—останки костра.

III.

IO.

Эллису.

Сорвавшись съ лѣсистаго горнаго склона,
Разрушивъ преграды скалистыхъ камней,
По дну плодороднаго, злачнаго лона
Темпейской долины струится Пеней.

Забрызганы пѣной деревьевъ вершины,
Далече дубравы журчаньемъ полны,
И черпаютъ бѣлыя нимфы въ кувшины
Кристальную влагу прыгучей волны.

Въ пещеру Пенея—глубоко въ утесахъ—
Стекаются рѣки окрестныхъ полей
И бѣлыя нимфы, въ разсыпчатыхъ косахъ
Колебля короны болотныхъ лилей.

Приходитъ Сперхей, по лугамъ побережнымъ
Взлелѣявшій тополь и темный акантъ,
Старикъ Апиданъ съ Энипеемъ мятежнымъ,
И мирный въ теченьѣ Анфризъ, и Эантъ.

Стекаются рѣки, бѣгутъ отовсюда,
Пока, утомившись въ блужданьѣ пустомъ,
Не ввергнется въ море вспѣненная груда,
Пока не растаютъ хребетъ за хребтомъ.

Инахъ удалился въ скалистыя нѣдра,
Чтобъ милую Іо оплакать свою.
Онъ слезы струитъ безпрерывно и щедро,
И множитъ слезами рѣчную струю.

Не знаетъ отецъ, озаряетъ ли Делій
Любимую дочь, на землѣ, средь живыхъ.
Иль скрылася Іо въ лугу асфоделей,
Причастная сонму тѣней гробовыхъ.

Давно уже дѣвушкѣ тѣ же и тѣ же
Впивались мечтанья въ полунощный сонъ,
И кто-то, лаская словами и нѣжа,
Шепталъ, проникая въ ея Пареспонъ:

«Покорствуй, о Іо, великой Кипридѣ!
Иль дѣвственность хочешь безсрочно беречь?
Довольно! изъ робости дѣвичьей выйди,
И слушай внимательно сладкую рѣчь.

Счастливая дѣва! ты тѣломъ пригожа,
И Зевсъ вожделѣньемъ пылаетъ къ тебѣ.
Дитя! не отвергни Зевесова ложа,
Безумно противиться дивной судьбѣ.

О робкая! что тебѣ въ жребіи дѣвы!
Приди, всепобѣдной Кипридѣ служа,
Туда, гдѣ Инаха шумящіе хлѣвы,
Гдѣ въ полдень трава—глубока и свѣжа.

Тамъ, въ часъ, когда солнце пылаетъ въ зенитѣ,
Ты тѣло объятіямъ Зевса вручи.
И взоръ истомленнаго бога насыти,
И въ пламенныхъ ласкахъ его опочій».

Полдневное солнце палило жестоко,
Манила прохлада зеленыхъ древесъ.
И къ Іо, отъ отчаго шедшей потока,
Такія слова обращаетъ Зевесъ:

«О дѣва, достойная Зевсова ложа!
Привѣтно отвѣть на привѣтную рѣчь.
О, какъ ты прекрасна! изъ смертныхъ кого же
Достойно съ тобою въ объятьѣ сопречь?

Гдѣ сумракъ древесный прохладнѣй, безмолвнѣй,
Войди, насъ не тронетъ покорный мнѣ звѣрь.
Я—богъ скиптроносный, владыка я молній.
Постой! не бѣги! и признанью повѣрь!»

Но дѣвушка мчится проворнѣе серны.
Послѣднія силы напрягши, собравъ,
Минуетъ зеленыя пастбища Лерны
И темныя тропы Ликейскихъ дубравъ.

Но богъ, опаляемый яростью жгучей,
Окрестности спряталъ въ туманѣ сѣдомъ,
И нимфу, объятую черною тучей,
Схватилъ, торжествуя надъ первымъ стыдомъ.

И Гера глядитъ съ золотого престола.
Внизу, сквозь клубящійся, черный покровъ
Не видитъ она ни дубравы, ни дола,
Затянутыхъ мракомъ сгущенныхъ паровъ.

Богиня привыкла къ коварнымъ измѣнамъ;
Зажглось подозрѣнье: навѣрное вновь
Зевесъ, надсмѣявшись надъ ней и Гименомъ,
Съ какой-нибудь нимфою дѣлитъ любовь.

И, пользуясь властно божественнымъ правомъ,
Богиня туманы свиваетъ къ ногамъ.
Велитъ просіять омраченнымъ дубравамъ,
Велитъ озариться потускнымъ лугамъ.

Любовникъ предвидитъ позоръ неизбѣжный.
Онъ знаетъ, что Гера ревниво-строга,
И дѣлаетъ Іо телицею снѣжной:
Изъ бѣлаго лба вырастаютъ рога.

Но въ образѣ этомъ плѣнительна даже
Злосчастная жертва Зевесовыхъ чаръ.
И ревность богини, и ярость—все та же:
Она обращенную требуетъ въ даръ.

И Іо, исполнена горя и страха,
Къ любимымъ, роднымъ убѣгаетъ краямъ,
Гдѣ катятся синія волны Инаха,
Гдѣ рощи сбѣгаютъ къ веселымъ струямъ.

Вотъ тихій, прозрачный заливъ, окруженный
Зеленой толпой молодыхъ тростниковъ.
Но Іо, увидя себя отраженной,
Подъемлетъ неистовый, горестный ревъ.

Напрасно печальные, робкіе взгляды
Бросаетъ она на отца и сестеръ.
Не знаютъ ея ни Инахъ, ни наяды,
Игравшія съ нею во впадинахъ горъ.

Въ отвѣтъ на ея непонятныя ласки
Онѣ собираютъ цвѣты съ береговъ.
Сплетаютъ изъ травъ благовонныя связки,
Чтобъ ими украсить изгибы роговъ.

Но нимфы подруги не чувствуютъ прежней,
И Іо бѣжитъ отъ родимой рѣки;
Безъ цѣли блуждаетъ она, и безбрежный
Предъ ней открывается море тоски.

Ее засыпаетъ колючая вьюга
На крайнихъ предѣлахъ холодныхъ морей.
Сжигаютъ пески раскаленнаго юга,
Безжалостно хлещетъ ненастный Борей.

«Ночь морозная смѣнила
Солнца яростнаго зной.
Подъ луною струи Нила
Отливаютъ бѣлизной.

Гдѣ я—жертва Геры грозной—
Гдѣ окончу горькій путь?
Воздухъ, ясный и морозный,
Жадно я вбираю въ грудь.

Спитъ песокъ охолодѣлый,
Блещетъ сонная струя.
Я минула всѣ предѣлы,
Я минула всѣ края.

Погоняема кручиной,
Крайній сѣверъ я прошла,
Гдѣ нависла надъ пучиной
Прометеева скала.

Я не знаю, ранній гробъ ли,
Избавленье ли найду?
Бога скованнаго вопли
Провѣщали мнѣ въ бреду;

Провѣщали безконечный
Горькихъ бѣдъ, блужданій рядъ.
Карой злой, безчеловѣчной
Боги смертнаго карятъ.

Какъ мгновенно, какъ немного
Укрываясь отъ наядъ,
Въ вожделѣнныхъ ласкахъ бога
Я любви вкусила ядъ.

И теперь—несчастный поводъ
Гнѣва матери боговъ—
Я бѣгу, и ѣдкій оводъ
Мчится вслѣдъ моихъ шаговъ.

Сжалься, Зевсъ! твое объятье,
Чрево мнѣ обременя,
Въ жертву вѣчнаго проклятья
Грозно предало меня.

Звѣремъ бѣшенымъ блуждая,
Плодъ священный я несу.
Неужели никогда я
Не верну мою красу?

Для твоихъ объятій нѣжныхъ
Возврати лилейность ногъ!
Дай мнѣ пару грудей снѣжныхъ,
Золотыхъ кудрей вѣнокъ.

И на мшистомъ изумрудѣ,
Въ мглѣ зеленаго куста,
Я прижму къ обильной груди
Сына Зевсова уста.

Зевсъ! не презри дочь Иноха!
Зевсъ! супругу пожалѣй,
Изнемогшую отъ страха
Средь Египетскихъ полей.

IV.

СИРИНГА.

Не сыщешь въ Аркадіи дѣвушекъ, равныхъ
Невинной Сирингѣ цвѣтущей красой.
Она между нимфъ выдѣлялась дубравныхъ
Въ горахъ, орошенныхъ студеной росой.

Уже не однажды во мракѣ дубравномъ,
Объятья любви отъ себя отклонивъ,
Она убѣгала, гонимая фавномъ,
Иль богомъ обильныхъ колосьями нивъ.

Безмужной остаться дріадѣ хотѣлось.
Богинѣ она уподобилась той,
Отчизна которой—божественный Делосъ:
Съ Діаной равнялась она чистотой.

Когда же собаки оленя настигнутъ,
Охотою нимфа себя веселитъ.
Изъ рога оленьяго лукъ ея выгнутъ,
Тогда какъ Діанинъ изъ золота слитъ,—

А въ прочемъ Сиринга съ Діаною схожа:
Строга, неприступна, и богъ ни одинъ
Не дѣлитъ ея вожделѣннаго ложа
Въ глубокой травѣ плодоносныхъ долинъ.

Однажды, вѣнчанный сосновой короной,
Неистовый Панъ за дріадой гнался.
Но крѣпкія ноги, служа обороной,
Ее уносили глубоко въ лѣса.

Раздвинулись чащи, кустарники—рѣже.
Сгибаются ноги, безсильно скользя
Въ глубокомъ и влажномъ пескѣ побережій;
Широкой рѣкой преградилась стезя.

И нимфа, произенная ужасомъ острымъ,
Отъ страстныхъ объятій спасаясь едва,
Ко влажнымъ наядамъ, возлюбленнымъ сестрамъ,
Послѣднія, въ горѣ, бросаетъ слова:

«О сестры! мою красоту измѣните!
На горе прекрасною я родилась.
Волосъ обрывайте душистыя нити,
Гасите огонь соблазняющихъ глазъ!»

Тѣмъ временемъ Панъ, разгорѣвшійся, страстный,
Къ желанному тѣлу въ восторгѣ приникъ.
Но тѣло нѣмѣетъ подъ лаской напрасной,
И въ пальцахъ—холодный, болотный тростникъ.

И вѣтеръ, въ тростникъ проникая изъ скважинъ,
Порывисто дунулъ, и Панъ услыхалъ
Какъ будто бы стонъ—безнадеженъ, протяженъ—
Какъ будто бы кто-то любилъ и вздыхалъ.

V.

ИФИГЕНІЯ ВЪ АВЛИДѢ:

Я забыла домъ родимый
Для Ахиллова шатра.
Въ синемъ небѣ вижу дымы
Погребальнаго костра.

Вижу мѣдныхъ ратей строи,
Вдоль залива корабли—
Къ берегамъ далекой Трои
Обращенные рули.

Но лазурнаго залива
Не колышется роса,
И въ безмолвіи, тоскливо,
Спятъ, бѣлѣя, паруса.

Оглашается Авлида
Пѣснью вольною гребца.
Я иду, шатеръ Атрида,
Кличу милаго отца.

Нѣтъ, не мнѣ отнынѣ весны,
Ласка теплаго луча,
Лугъ зеленый, цвѣтоносный,
Бѣгъ веселаго ключа.

Нѣтъ, не мнѣ весною ранней
Бѣгать въ полѣ, рвать цвѣты.
Ахъ! и злая жизнь—желаній
Застигійской темноты.

Не меня украсятъ дѣвы
Въ вечеръ свадебнаго дня,
И вѣнчальные напѣвы
Прозвучатъ не для меня.

О невѣста! на закланье
Брачный сшитъ тебѣ покровъ.
Вижу красное пыланье,
Слышу трескъ смолистыхъ дровъ.

Ставятъ желтыя корзины,
Въ нихъ кладутъ цвѣты, плоды.
Полны мѣдные кувшины
Очистительной воды.

Я—покорна. Руки вздѣты
Къ выси, ясно голубой.
Слышу волнъ холодной Леты
Закипающій прибой.

VI.

АХИЛЛЕСЪ.

I.

АХИЛЛЕСЪ ВЪ ШАТРѢ.

Агамемнонъ! твой гнѣвъ беззаконенъ.
Знать, напрасно пучину гребли
Ополченья моихъ мирмидонянъ,
Къ Иліону стремя корабли.

Но терпѣть не привыкъ я обиду.
Пусть проносятся стрѣлы, свистя,—
Изъ шатра я на поле не выйду,
За рабыню отнятую мстя.

На покровахъ украшенныхъ лежа,
Я лобзанья ищу твоего.
Ахиллесово праздное ложе
Не раздѣлитъ рабыня его.

Я—одинъ въ опустѣлой палаткѣ.
Гдѣ-то битвы неистовый гулъ.
Парусины широкія складки
Разгулявшійся вѣтеръ надулъ.

Не замедлилъ зачѣмъ на пути я,
Къ нелюбезнымъ предѣламъ гребя?
О, лугами богатая Фтія,
Для чего я покинулъ тебя?

Иль не зналъ я тогда приговоръ мой,
Сотней палубъ волну бременя?
Иль не зналъ, что корабль крутокормый
Устремляетъ къ могилѣ меня?

2.

АХИЛЛЕСЪ ПЕРЕДЪ БОЕМЪ.

Олимпіецъ судьбу мою взвѣсилъ
На вѣсахъ непреложной Судьбы.
Неизмѣнно прекраснъ и веселъ,
Я готовъ для послѣдней борьбы.

Бездыханное тѣло Патрокла
Я сложилъ у шатра моего;
Червленѣющей кровью измокла
Возлѣ раны одежда его.

Чу, зовутъ мѣдноустыя трубы,
Надѣваютъ доспѣхи вожди.
Гекторъ, радость старухи Гекубы,
Жребій взвѣшенъ: пощады не жди.

Щитъ мой въ золотѣ, яркомъ, узорномъ,
Онъ горитъ лучезарнѣе звѣздъ;
Онъ божественнымъ выкованъ горномъ,
И надъ нимъ поработалъ Гефестъ.

Духъ мой мстительной яростью жарокъ,
И готовъ я главу преклонить
Передъ волей безжалостныхъ парокъ,
Обрѣзающихъ тонкую нить.

Конь твой, Гекторъ, бѣжитъ безъ возницы,
И кровавая вьется стезя.
Я тебя привяжу къ колесницѣ,
Омертвѣлыя ноги пронзя.

И коней по спинѣ пропотѣлой
Я бичомъ золоченымъ стегну,
Трижды, Гекторъ, влача твое тѣло,
Твой родной Иліонъ обогну.

Олимпіецъ судьбу мою взвѣсилъ
На вѣсахъ непреложной Судьбы.
Неизмѣнно прекрасенъ и веселъ,
Я готовъ для послѣдней борьбы.

3.

АХИЛЛЕСЪ СЪ ЛИРОЮ.

Голосъ лиры сладкозвучный
Злыя думы усыпилъ.
Тамъ, надъ Идой многоключной,
Облакъ розовый застылъ.

Рабъ у входа чиститъ брони,
Мажетъ воскомъ тетиву;
И распряженные кони
Щиплютъ сочную траву.

Въ ризѣ бронзовозеленой
Сѣлъ онъ, смотритъ на Пергамъ.
И сбѣгаетъ плащъ червленый,
Какъ змѣя, къ его ногамъ.

Тамъ олива съ вѣтромъ споря,
Клонитъ синюю главу,
И фіалковое море
Блещетъ въ солнцѣ, сквозь листву.

Какъ багряныя хламиды
Распластались крылья тучъ.
Чу! запѣлъ на склонахъ Иды
Бѣлоструйный, древный ключъ.

Солнце въ тучахъ оніама
Выжгло красные рубцы.
Крѣпкостѣннаго Пергама
Тускло вспыхнули зубцы.

И предъ битвою грядущей
Всюду въ полѣ—тишина.
Онъ одинъ въ тѣнистой кущѣ
Съ кубкомъ древняго вина.

Благовонно, смольно, густо,
Меда сладостнѣй оно—
Хрисеидой розоустой
Принесенное вино.

И на мигъ забывъ угрозы,
Неизбѣжныя, судьбы,
Ахиллесъ срываетъ розы
Съ желтыхъ косъ своей рабы.

На груди ея дѣвичьей
Онъ почилъ въ тѣни шатра,
Чтобъ на завтра стать добычей
Погребальнаго костра.

4.

АХИЛЛЕСЪ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.

Все мнѣ снится дворецъ златоверхій,
И Пелеева дома родня,
И родной, голубѣющій Сперхій,
Гдѣ наяды ласкали меня.

Тѣ холмы, гдѣ съ охотничьимъ лукомъ
Я бѣжалъ, огибая скалу,
Чтобъ горячею кровью и тукомъ
Золотую насытить стрѣлу.

Мнѣ сказала Ѳетида съ кручиной,
Что умру я въ чужой сторонѣ.
Ксанѳъ неистовый, бурнопучинный,
Не замѣнишь ты Сперхія мнѣ.

Мать слезами мнѣ сердце кручинитъ
Съ дня, какъ тризна свершалась въ шатрахъ
И златою амфорою принятъ
Менетида оплаканный прахъ.

Говорила мнѣ мать: «хорошо бы
Нынѣ съ дѣвой сопрячься тебѣ:
Умножавшій троянскіе гробы
Ты приблизился къ смертной судьбѣ.

Такъ не медли же: Гектора выдай
Для надгробныхъ честей и костра,
И усни съ золотой Хрисеидой
Подъ пріютною тѣнью шатра».

И спѣшу твою грудь оплести я;
Но, лишь члены опутаетъ сонъ,
Все мнѣ снится родимая Фтія,
Лучезарный ея небосклонъ.

5.

АХИЛЛЕСЪ ОБРУЧЕННЫЙ.

Время. Пламенникъ брачный засвѣченъ,
И его, надъ толпою воздѣвъ,
Гдѣ гирляндами портикъ расцвѣченъ,
Подымаетъ начальница дѣвъ.

Отъ тяжелаго бремени грузовъ
Колесница погнулась моя,
Переполненъ оружіемъ кузовъ,
Какъ щетина, торчатъ острія.

Время кончить обрядъ обручальный;
Я ужъ слышу сквозь рядъ колоннадъ,
Какъ зоветъ меня скрипомъ причальный,
Хорошо осмоленный канатъ.

Ты, минуя дубовыя сѣни,
Не замедли прощаніемъ въ нихъ,
Чтобъ скорѣе взошелъ къ Поликсенѣ
На веселое ложе женихъ.

Въ колесницахъ прозозятъ кувшины,
Да свершимъ омовенья обрядъ,
И недавно кровавыя шины
Лучезарною мѣдью горятъ.

Да, трудами не малыми добытъ
Златокудрой Елены возвратъ:
Сколько мѣдныя спицы и ободъ
Обагрялися кровью у вратъ.

Сколько доблестной крови лилося.
Сколько разъ я по трупамъ летѣлъ,
И со стукомъ взбѣгали колеса
На тѣла съ изувѣченныхъ тѣлъ.

Но довольно ломалися дышла,
И со свистомъ крутилися бичи,
Ты—моя, изъ чертога ты вышла,
И глаза разсыпаютъ лучи.

Разукрашенъ листвою весенней
Русыхъ косъ благовонный вѣнокъ;
Дѣвы сыплютъ цвѣты Поликсенѣ
Для прекрасныхъ, серебряныхъ ногъ.

Скоро мы на богатствами полномъ,
Управляемомъ мной кораблѣ
По веселымъ фіалковымъ волнамъ
Понесемся къ родимой землѣ.

И въ усладахъ желаннаго брака,
Почивая на ложѣ изъ розъ,
Мы увидимъ отчизну Эака,
Гдѣ младенцемъ я бѣгалъ и росъ.

Помню пастбища сочной травы я,
Какъ земля плодородно черна,
Какъ припасовъ полны кладовыя,
И отборныхъ плодовъ, и зерна.

Помню пиршества шумныя наши,
Оживленныя пьяной гульбой,
И тяжелыя древнія чаши,
Обведенныя хитрой рѣзьбой.

Какъ стремлюсь къ заповѣдной землѣ я,
Гдѣ утѣхи знавая одни,
Согрѣваемый лаской Пелея,
Я провелъ мои лучшіе дни.

Ты со мной улыбнешься печалямъ,
Что тебя отъ родныхъ унесло.
Поспѣши, мы не медля отчалимъ:
Ужъ гребцы подымаютъ весло.

Приступай къ неизбѣжнымъ разлукамъ,
И съ судьбою твоей примирись.
Тамъ, сіяя серебрянымъ лукомъ,
Прислонился къ колоннѣ Парисъ.

VII.

НЕОПТОЛЕМЪ.

1.

Дикій островъ, поля, гдѣ я выросъ,
Покидаю для бранныхъ шатровъ.
Ты прости, зеленѣющій Скиросъ,
Безмятежный, хранительный кровъ.

Отъ луговъ и отъ рощей зеленыхъ
Я отозванъ военной трубой.
Мирно съ кровель, отъ солнца червленыхъ,
Подымается дымъ голубой.

Исчезаетъ онъ—берегъ родимый.—
И, теряясь въ багряныхъ лучахъ.
Тихо шлетъ мнѣ прощальные дымы
Материнскій любезный очагъ.

Вкругъ меня океанъ безпредѣльный,
И синѣютъ валы безъ числа.
Я на крѣпкой соснѣ корабельной
Быстро мчусь подъ напоромъ весла.

Черезъ три быстролетныя ночи,
Если добро къ пловцамъ божество,
Я усну подъ палаткою отчей,
Я узнаю отца моего.

И усѣяннымъ трупами полемъ,
Въ жаждѣ подвиговъ, веселъ и рьянъ,
Полетитъ за отцомъ Неоптолемъ,
Разрывая колонны Троянъ.

2.

Брошенъ якорь. Корабль мой причаленъ
У прославленныхъ бранями мѣстъ.
Отчего же, о други, печаленъ
Долго жданный, желанный пріѣздъ?

Отчего-же никто изъ собратій
Насъ не встрѣтилъ пожатьемъ руки?
Отчего такъ растеряны рати,
Такъ нестройно-шумливы полки?

Я грядущимъ свиданьемъ чаруемъ.
Пали тѣни, и звѣзды зажглись.
Гулко вторитъ Скамандровымъ струямъ,
Въ потемнѣвшихъ горахъ, Симоисъ.

На отрогахъ, ключами богатыхъ,
Вьется дымъ отъ чьего-то костра,
И мертвецъ въ окровавленныхъ латахъ
Распростертъ посреди̇ шатра.

Чтобъ владѣть драгоцѣннымъ доспѣхомъ,
Сынъ Лаэрта коварно хитритъ,
И надъ мертвымъ глумится со смѣхомъ
Предводитель Ахеянъ, Атридъ.

Подойдя, вопросилъ я не смѣло,
Подбородка коснувшись его:
«Чье къ костру приготовлено тѣло?»—
«Ахиллеса, отца твоего.»

3.

Гдѣ пучина Эгейская стонетъ,
Мечъ воткнутъ Саламинскимъ царемъ:
Здѣсь на острую мѣдь Теламонидъ
Предъ Палладинымъ палъ алтаремъ.

Здѣсь онъ съ черною смертью сопрягся,
Грудь пронзивши концомъ острія,
И рыдаетъ надъ тѣломъ Аякса
Саламинскихъ матросовъ семья.

Я, печалію свѣжей овѣянъ,
Надъ недавнимъ стою мертвецомъ.
Былъ онъ болѣе прочихъ Ахеянъ
Почитаемъ, при жизни, отцомъ.

Я на Скиросъ родимый какую
Принесу Деидаміи вѣсть?
Мать, тебѣ, неутѣшно тоскуя,
Суждено овдовѣлой дощвѣсть.

Ахъ! отцу при свиданіи первомъ
Я послѣднее молвилъ «прости».
Но, Атриды, отъ яростныхъ Керъ вамъ
И самимъ никуда не уйти.

Вѣтеръ лодки далекія гонитъ
И поетъ у зеленыхъ могилъ,
Гдѣ могучій уснулъ Теламонидъ,
Гдѣ уснулъ быстроногій Ахиллъ,

VIII.

ДИДОНА И ЭНЕЙ.

По камнямъ звенятъ копыта,
Слышно ржаніе коней.
На горахъ отстала свита...
Какъ стрѣла, летитъ Эней.

Дали неба—мутно-сини;
Вѣтръ шумитъ, въ травѣ шурша,
И съ царицей сынъ богини
Отъ грозы бѣжитъ, спѣша.

На груди застежкой сплоченъ,
Плащъ ея окуталъ станъ.
Наконечникъ стрѣлъ отточенъ.
За плечами, раззолоченъ,
Звонко брякаетъ колчанъ.

Конь храпитъ; густая пѣна
Покрываетъ удила.
Предъ царицей Карѳагена
Разступается скала.

Вмѣсто храма—сводъ пещеры.
Мать Земля условный знакъ
Подаетъ, и волей Геры
Заключенъ несчастный бракъ.

Все забыто: обезчещенъ
Женскій стыдъ, и презрѣнъ долгъ.
Въ нѣдрахъ скалъ и горныхъ трещинъ
Громъ пронесся и умолкъ.

Потемнѣли, сшиблись тучи,
О деревья бьетъ вода.
Дико воя, сбились въ кучи
Оробѣлыя стада.

Пыль клубится; воздухъ блещетъ;
Скрылся въ тучѣ горный скатъ.
О каменья ливень хлещетъ,
И стучитъ тяжелый градъ.

У пещеры дрогнутъ стражи;
Гдѣ-то ржетъ въ испугѣ конь.
Проблестѣлъ на горномъ кряжѣ
Синей молніи огонь.

Замутившись, съ высей прянулъ,
Заплескался водопадъ.
Брачный гимнъ въ пещерахъ грянулъ
Хоръ веселыхъ орсадъ.

IX.

ЭНЕЙ—ТОВАРИЩАМЪ.

Что вы примолкли? Смѣлѣе! Не съ нами ль
Наши пенаты, чья милость не скудна?
Ими хранимое, сядетъ ли на мель
Легкое судно?

Наши надежды и силы не тѣ же ль?
Полно оплакивать гибель Креузы:
Смертная доля желаннѣе, нежель
Рабскія узы.

Сердце спокойно; надежда окрѣпла.
Паркамъ бросаю отчаянный вызовъ:
Скипетръ подниметъ изъ крови и пепла
Правнукъ Анхизовъ.

Тотъ не мужчина, кто слезы не вытеръ:
Женщинамъ свойственно тѣшиться грустью!
Мчитъ нашъ корабль благосклонный Юпитеръ
Къ вѣрному устью.

Вѣрьте, товарищи: небо не пусто.
Намъ, побѣдителямъ чернаго Рока,
Матери свѣтитъ моей розоустой
Ясное око.

ПѢСНІ.

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася!

Кольцовъ.

Я въ нѣмецкомъ саду работалъ по веснѣ.
Вотъ однажды сгребаю сучки, да пою.

Некрасовъ.

I.

РАЗЛУКА.

Шелъ я рощицей,
Шелъ зеленою,
Шелъ съ зазнобушкой,
Шелъ съ Аленою.

Полушалочекъ
Дарилъ аленькій
И фіалочекъ
Букетъ маленькій.

Полушалочкомъ
Утѣшалася,
А фіалочкамъ
Посмѣялася.

Красну солнышку
Красотой равна
Свѣтъ Аленушка,
Свѣтъ Егоровна.

Словно вешній листъ—
Зелены глаза,
Словно колосъ ржи—
Золота коса.

У нея ль лицо—
Да не маковъ цвѣтъ?
У нея ли взоръ—
Да не ясный свѣтъ?

Что же сердце ѣстъ
Мнѣ печаль—тоска?
Горекъ мнѣ пріѣздъ
Твоего дружка.

Ахъ, его лицо,
Лицо дерзкое,
И походочка
Офицерская.

Жгутъ глаза его,
Жгутъ проворные,
И щетинятся
Усы черные.

Сабля новая
Вся отточена,
Рукояточка
Раззолочена.

И Аленушка
Слезы вытерла.
«Вотъ онъ баринъ мой,
Гость изъ Питера.

Ты прости-прощай,
Господинъ студентъ.
Не дари платковъ
И пунцовыхъ лентъ.

На далекую
На сторонушку
Отъ тебя возьметъ
Онъ Аленушку.

Не приду къ тебѣ
За овины я
Слушать пѣсенки
Соловьиныя.

Намъ не вить съ тобой
Запашистые
Изъ купальницы
Вѣнки желтые.

Не садиться намъ
Подъ зеленый дубъ.
Не видать тебѣ
Моихъ алыхъ губъ.

Тебѣ на плечи
Мнѣ не вѣшаться.
Поцѣлуями
Намъ не тѣшиться.

Ни въ ночи тебѣ,
Ни при солнышкѣ
Не уснуть въ рукахъ
У Аленушки.

Чтобъ мнѣ дурь мою
Не оплакивать,
Стала чаще я
Подумакивать.

Не хочу итти
За студента я,
А хочу итти
За военнаго.

II.

ДВОЕЖЕНЕЦЪ.

Разскажу ка я
Вамъ теперича
Про Василія,
Про Матвѣича.

Онъ въ сторожкѣ жилъ
Передъ церковью.
Сторожилъ лѣса,
Лѣса барскіе.

А какъ въ праздничекъ
Напивался пьянъ,
На сосѣднихъ страхъ
Наводилъ крестьянъ.

И ругался онъ
Словомъ черными.
Поколачивалъ
Рукой крѣпкою.

Темнымъ взоромъ онъ—
Словно лютый звѣрь.
Борода его—
Словно черный кустъ.

А жена его—
Баба злюшая,
Аграфеною
Звать Ивановной.

Какъ расходится
Злой минутою,
Ну ни дать, ни взять—
Вѣдьма лютая.

Гнѣвомъ-яростью
Вся трепещется
На сосѣдиюю
На помѣщицу.

Но отъ кары не
Унаслась, грозя.
Знаетъ барыня
Самого князя.

Донесла ему
Рѣчью дерзкія
И Василія,
И жены его.

Не щадитъ злодѣй
Сваво ворога:
Кто задѣлъ его,
Платитъ дорого.

Какъ ко всенощной
Шелъ крещеный людъ,
Сторожъ замыселъ
Выполняетъ лютъ.

Передъ праздничкомъ,
Да престольнымъ,
Месть жестокая
Совершится имъ.

Онъ отъ зоркихъ глазъ
Огородится
Наканунѣ дня
Богородицы.

Пробирается
Мимо церкви онъ.
Заворачиватъ
За опавшій кленъ.

Онъ не видитъ свѣчъ
Воску яраго.
Онъ не слушаетъ
Пѣнья клирнаго.

Подъ ногой его
Желтый листъ шуршитъ.
Ель шумливая
Высоко шумитъ.

Вѣтвь колючая
Заграждаетъ путь
И цѣпляется
За рукавъ его.

Чиркнетъ фосфоромъ
Сторожъ на авось.
Анъ! взамѣнъ хоромъ—
Только пепла горстъ.

Только бъ дождичекъ
Не залилъ огня,
Вѣтеркомъ его
Не задуло бы!

Подъ дубовый полъ
Ткнулъ газетину,
Намочивъ ее
Керосиномъ всю.

И сухихъ туда
Набросалъ лучинъ.
Запалилъ баяконъ:
Вотъ и былъ починъ!

По всему потомъ
Дому барскому
Пѣтуха пустилъ,
Пустилъ краснаго.

«Со мной вздумала
Потягаться вина!»
Въ небо рвется дымъ
Изъ тесовыхъ крышъ.

Во хоромахъ и
Во саду огонь.
И черемухи
Спалены огнемъ.

Эхъ! черемушки!
По веснѣ ужъ имъ
Не раскрыть листовъ,
Не цвѣсть бѣлымъ.

По усадьбѣ всей—
Трескотня и скрипъ.
Вьется полымя
Выше старыхъ липъ.

Мужики бѣгутъ.
Но и скоро же
Всякій слѣдъ простылъ
Васьки сторожа!

Занесли снѣги,
Снѣги бѣлые,
Стѣны съ трубами
Обгорѣлыя.

Дерева кругомъ
Да поспилены.
Какъ дите, въ саду
Плачутъ филины.

Горько—жалобно
Ночью стонетъ сычъ.
Такъ Василій мстилъ,
Мстилъ Матвѣевичъ.

2.

Богъ прогнѣвался
На разбойника,
И послалъ ему
Кару грозную.

На Ивана то
Было Постнаго,
Въ день дождливенькій,
Да ненастливый.

Аграфенинъ взоръ—
Теменъ, нездоровъ.
Вотъ пошла она
Подоить коровъ.

Вдругъ замедлила,
Проходя дворомъ.
О полъ стукнула
Жестянымъ ведромъ.

По ступенямъ внизъ
Покатилася,
Опрокинулась,
Раскарячилась.

Прибѣгаетъ мужъ—
Жена отошла.
По лицу пятномъ
Синева пошла.

Тихо въ домикѣ,
И окошечко
Занавѣскою
Позадернуто.

Подъ окошкомъ кленъ
Вѣтромъ треплется.
Свѣчка желтая
Въ окнѣ теплится.

Сѣрой ставнею
Вѣтеръ—хлопъ да хлопъ.
На столѣ стоитъ
Новъ дубовый гробъ.

Разнаряжена
Чисто заново,
Аграфена въ немъ
Дочь Иванова.

Запеленута
Бѣлымъ холстомъ.
Руки сложены
На груди крестомъ.

А Василій мужъ
Слезно плачется.
Отъ жены своей
Во дворъ прячется.

Ночь не можетъ спать:
Вскачетъ, крестится,
Жена мертвая
Все мерещится.

Въ ночь дождливую
Говорятъ подъ свистъ
Ель шумливая
И засохшій листъ.

И стучатъ въ стекло
Вѣтки черныя,
Словно страшные
Пальцы мертвые.

А на третій день
Попъ приходитъ самъ
Литію служить
Передъ выносомъ.

Въ церкви ставятъ гробъ,
Да съ подсвѣчникомъ,
Обвиваютъ лобъ
Краснымъ вѣнчикомъ.

И одинъ живетъ
Сирота-вдовецъ.
Сталъ во снѣ къ нему
Приходить мертвецъ.

Жутко осенью
Разунылою:
Въ окно виденъ крестъ
Надъ могилою.

И надъ тѣмъ крестомъ,
Надъ кленовымъ,
Вѣтръ шумитъ листомъ,
Листомъ желтымъ.

Мужъ не выдержалъ
И шести недѣль:
Одинокая
Не мила постель.

Онъ безъ сна на ней
Ночь валяется:
Все усопшая
Представляется.

Хоть порядокъ тотъ
И не заведенъ,
Оженился онъ
Черезъ двадцать денъ.

Взялъ жену себѣ
Бѣлолицую,
Бѣлолицую,
Да румяную.

Очи синія
Огонькомъ кипятъ.
А коса ея—
Какъ до самыхъ пятъ.

Шея бѣлая
Серебромъ блеститъ,
Грудь высокая
Что копна стоитъ.

Идетъ съ ведрами,
Усмѣхается,
Какъ лебедушка,
Колыхается.

Отчего жъ ея
Пышенъ цвѣтъ дѣвичъ
Изсушилъ злодѣй—
Воръ Матвѣевичъ?

У нея богатствъ—
Одна яблоня.
Много денежекъ
Имъ награблено.

3.

Складно мужъ живетъ
Со лебедкою,
Синеглазою,
Тихой, кроткою.

Самъ добрѣе сталъ,
Не ругается.
Молодой женой
Похваляется.

Изъ знакомыхъ ли
Повстрѣчалъ кого,
«Какова моя?»
Сперва-наперво.

И сосѣдушки
Утѣшаются:
Не узнать теперь
Злого сторожа.

Только начали
Сны тяжелые
По ночамъ томить
Молоду жену.

Какъ бы Пашеньк'ѣ
Не раскаяться:
Баба мертвая
Къ ней таскается.

Не даетъ ей спать,
Страхомъ мучая.
Лицо—синее,
Вся—воюючая.

Не уйдетъ всю ночь,
Лѣзетъ день иной,
И съ постели прочь
Гонитъ мужниной.

Отъ Василья прочь
Оробѣлаго.
Кровь сосетъ она
Тѣла бѣлаго.

У Прасковьюшки
Щеки выцвѣли.
Очи синія
Потеряли блескъ.

Ахъ! погубитъ такъ
Все здоровьюшко
Свѣтъ Егоровна,
Свѣтъ Прасковьюшка.

Какъ отъсна спастись,
Отъ тяжелаго,
Думы русую
Томятъ голову.

Въ полѣ таетъ снѣгъ,
Поетъ пташенька.
Говоритъ себѣ
Тогда Пашенька:

«Чтобъ покойницу
Не видать во снѣ,
Я въ зеленый лугъ
Выйду по веснѣ.

Помогите мнѣ
Въ моемъ горѣ вы,
Цвѣтикъ аленькій
И лазоревый.

У моихъ бѣлыхъ
Вы цвѣтете ногъ.
Я сплету изъ васъ
Небольшой вѣнокъ.

Цвѣты синіе
Спутавъ съ альцами,
Вмѣстѣ бѣлыми
Свяжу пальцами.

Пусть тоска меня
Не сушитъ, не ѣстъ.
Я вѣнокъ кладу
На кленовый крестъ.

Лишь засохнетъ онъ,
Принесу другой.
За дары Господь
Мнѣ пошлетъ покой».

III.

МОНАШКА.

Что, Аленушка,
Передъ праздничкомъ
Платья новыя
Ты не шьешь себѣ?

Что не рядишься
Въ шелкъ пурпуровый?
Въ головной платокъ,
Гарнитуровый?

Знать обновъ тебѣ
Не подарено
Отъ проѣзжаго,
Отъ татарина.

Чтобъ безъ толку вамъ,
Веселиться вамъ,
Въ платьѣ шелковомъ,
А не ситцевомъ.

Чтобъ съ качельными
Летать досками
Подъ зелеными,
Подъ березками?

Чтобы алыми
Гремѣть бусами?
Чтобы косами
Трясти русыми?

Какъ, Егоровна,
Въ платьѣ старомъ ты
На веселое
Выйдешь игрище?

Застыдятъ тебя
Парни бойкіе,
Засмѣютъ тебя
Дѣвки красныя.

Далеко отъ всѣхъ
Быть Аленушкѣ:
На крыльцѣ сидѣть,
Грызть подсолнушки.

—«Чтобъ обновы шить
Да рядиться, нѣтъ
Въ кошелькѣ моемъ
Дорогихъ монетъ.

Бѣденъ родный домъ
Моей матушки,
На холму крутомъ
Онъ стоитъ въ лугахъ.

Надъ рѣкой стоитъ,
Рѣчкой быстрою,
Какъ надъ синею,
Да надъ Истрою.

Тамъ трава растетъ,
Да шелковая,
Тамъ село стоитъ,
Да торговое.

Оно славится
Широко вокругъ
За капусту да
За зеленый лукъ.

И немного верстъ
Отъ того села
Монастырь стоитъ
Во глухомъ лѣсу.

Цвѣтники въ саду
Я полола тамъ,
Церквей маковки
Пышутъ золотомъ.

Словно жаръ горятъ,
Разливаются
Надъ еловыми,
Надъ вершинами.

Далеко гудитъ
Пѣнье мѣдное.
Я приду въ тотъ скитъ,
Дѣвка бѣдная.

Ты прости навѣкъ,
Перстенечекъ златъ.
Мою бѣлу грудь
Скроетъ черный платъ.

Отъ людей мою
Скорою красу,
Во святомъ скиту,
Во глухомъ лѣсу».

IV.

ВЕСЕННІЙ ВѢТЕРЪ.

Во поляхъ шумятъ
Вѣтры буйные,
Вѣтры буйные,
Да весенніе.

Какъ въ мѣдяную
Затрубятъ трубу,
Гонятъ облаки
По синю-небу.

Выйду въ поле я,
Во широкое,
Горе выплакать,
Разогнать тоску.

Въ уши мнѣ поетъ
Вѣтеръ удалой
И платочекъ рветъ
Съ головы долой.

Говоритъ со мной
Буйнымъ голосомъ,
Шевелитъ моимъ
Русымъ волосомъ.

Какъ по мертвому,
Подымаетъ вой;
Иду въ шубкѣ я,
Шубкѣ плисовой.

Вся отъ холода
Посинѣла я.
Холодитъ мнѣ снѣгъ
Ноги бѣлыя.

Разлились снѣга,
Словно озеро,
Высоко звенитъ
Въ небѣ жаворонокъ.

Ты, сестра, меня
Не отчитывай,
Знаю въ полѣ я
Кустъ ракитовый.

Тамъ, отъ всѣхъ деревъ
Удаленная,
На холму стоитъ
Ель зеленая.

Мое тѣло дамъ,
Зные звѣри, вамъ—
Растерзать въ куски
Подъ тѣмъ деревомъ.

Пусть предъ Господомъ
Грѣхъ я сдѣлаю!
Повяжу платкомъ
Шею бѣлую.

Затяну узломъ,
А конецъ платка
Обмотаю вкругъ
Зелена сучка.

Пусть качаетъ вѣтръ
Ель зеленую!
Пусть поетъ онъ пѣснь
Похоронную.

Мнѣ не нуженъ попъ,
Ни къ чему дьячокъ!
За тесовый гробъ
Мнѣ сойдетъ сучокъ.

Какъ подъ тѣмъ кустомъ,
Да на томъ холму,
Я измѣнщику—
Отдалась ему.

Ахъ! зачѣмъ тотъ день
Не забуду я.
Съ коромысломъ шла
Мимо пруда я.

Ты, ведро мое,
Не поскрипывай!
Кто-то ждетъ меня
Въ рощѣ липовой.

И дарилъ онъ мнѣ
Шаль нарядную.
Звалъ Аленушкой
Ненаглядною.

Коромысло я
Прочь съ плеча мало,
И повисла я
На груди его.

Сѣла рядомъ съ нимъ
На сырой мосточъ.
Какъ осиновый
Трепещу листокъ.

Затуманилась
Голова моя.
Только ласково
Слышу слово я:

«Не томи меня,
Не испытывай.
Знаешь въ полѣ ты
Кустъ ракитовый?

Ко холму тому
Поздней ноченькой
Проберемся мы
Огородами.

Ночь іюльская
Хороша, темна.
Мимо вашего
Мы пройдемъ гумна.

Мы по яблочным
Побѣжим садам.
Я подарочек
Моей милой дам.

Перстенечек злат
Съ синим яхонтом.
Серьги новы,
Изумрудны».

А изъ словъ его
Какой вышелъ толкъ!
Не простившися,
Онъ уѣхалъ въ полкъ.

Я промаялась
Зиму цѣлую.
Перепорчу все,
Что ни дѣлаю.

Ѣстъ мои глаза,
Ѣстъ зеленые
Слеза жгучая,
Да соленая.

Жизнь проклятая
Стала невтерпежъ,
Словно сжатая
Я упала рожь.

Я не слышу птицъ,
Я не вижу вербъ.
Сердце колетъ мнѣ
Любовь—вострый серпъ.

Потеряла я
Стыдъ мой дѣвичій.
Погублю навѣкъ
Мою душеньку.

Я—несчастная—
Жду дитя въ апрѣль.
Ты спаси меня
Отъ позора, ель!

Сладко будетъ мнѣ
Межъ вѣтвей дремать.
Успокой же, ель,
И дитя и мать!

ВЕСНЯНКИ.

Mater, ades, florum, ludis celebranda jocosis.

Ovidius.

C'est toi, ma blonde!

A. Musset.

I.

PRIMAVERA.

Улыбнулась, и проснулась,
Полня звуками лѣса.
За плечами развернулась
Блѣдно-желтая коса.

Взоръ, какъ небо—безпредѣленъ,
Глубина его пуста,
Переливчатъ, влаженъ, зеленъ...
Мягко-чувственны уста.

Гдѣ съ фіалками шептались
Незабудки, и цвѣла
Маргаритка, тамъ сплетались
Дымно-тонкія тѣла.

Гдѣ-то плакали свирѣли,
Доносился плескъ воды.
Въ темной зелени горѣли
Золотистые плоды

На полянахъ говоръ звонкій
Раздавался. Въ дымѣ сна,
Чуть скользя ногою тонкой,
По травѣ плыла весна.

Перевитый нитью злачной
И гирляндою цвѣтовъ,
Тѣло скрылъ полупрозрачный,
Серебрящійся покровъ.

Тѣ лежали, тѣ сидѣли,
Отдыхая отъ игры,
Гдѣ гранатъ тяжелыхъ рдѣли
Въ листьяхъ красные шары.

Юной, ласковой богиней
Оживляются лѣса.
Яркой краской, густо-синей,
Въ даляхъ блещутъ небеса.

II.

ПАСТОРАЛЬ.

Какъ весенній цвѣтъ листвы,
Такъ и Вы
Нѣжнымъ вѣете апрѣлемъ
Въ дни, когда въ тѣни вѣтвей
Соловей
Предается сладкимъ трелямъ.

Въ дни, когда исподтишка
Пастушка
Ждетъ пастушка въ полѣ злачномъ,
И въ ручьѣ опять жива
Синева,
Тихоструйномъ и прозрачномъ.

Испещренъ цвѣтами кустъ.
Сотни устъ
Раскрываются на солнцѣ.
Росы зелень серебрятъ,
И горятъ
Одуванчиковъ червонцы.

Гуще лиственный навѣсъ.
От древесъ
Ароматнымъ вѣетъ медомъ.
Грузный шмель къ цвѣтку прилипъ.
Вѣтви липъ
Вознеслись зеленымъ сводомъ.

На зарѣ, у сонныхъ водъ,
Хороводъ,
Подъ напѣвы пѣсни древней,
Я люблю, когда закатъ
Стекла хатъ
Зажигаетъ вдоль деревни.

Пѣсня—сладостно грустна,
Какъ весна
Нашихъ сѣверныхъ губерній,
Въ часъ, когда задремлетъ кленъ,
И червленъ
Западъ, дымный и вечерній.

Вы придете ввечеру
На игру,
Съ полной злаками кошницей.
Будетъ ласковымъ Вашъ взоръ,
Сквозь узоръ
Озолоченной рѣсницы.

Кудри—розсыпь златныхъ рудъ.
Изумрудъ
Вяоровъ, ласково коварный,
И смѣется, и манитъ
(Какъ магнитъ),
Всепобѣдный лучезарный.

Многимъ сердце воспалятъ
Этотъ взглядъ,
Соблазнительный, безбровый,
Шея, бѣлая какъ снѣгъ,
Этотъ смѣхъ
Нимфы сѣверной дубровы.

Полны эти глаза два
Волшебства—
Золотые изумруды,
Золотыя лезвія:
Раненъ я
Нимфой юной, полногрудой,

Руку я прелестной сжалъ:
Злѣе жалъ
Пальцы ручки благовонной.
Кудри—буйный водометъ.
Точитъ медъ
Страстныхъ губъ цвѣтокъ червонный.

Ахъ! я гасну каждый день.
Только тѣнь
Ляжетъ въ полѣ и прохладу
Урна ночи разольетъ,
Лѣсъ поетъ,
Славя Леля, славя Ладу.

Есть въ холмахъ тѣнистый гротъ,
Гдѣ Эротъ
Точитъ золотыя стрѣлы.
Тамъ она, упавъ на одръ,
Юныхъ бедръ
Нѣжитъ садъ, цвѣтущій, бѣлый.

Ахъ! цвѣтами мы его
Отчего
Не украсимъ, не устелемъ
Этотъ одръ, чтобы на немъ
Жаркимъ днемъ
Почивать, сопрягшись Лелемъ?

III.

НИМФА ВЕСНЫ.

Des grottes d' Amphitrite
Climéne, entends ma voix.
Le mois des fleurs t'invite
A rentrer dans nos bois.
Gresset.

Въ дняхъ послѣднихъ сентября,
Удобря
Землю взрытую навозомъ,
Сѣми я держалъ въ горсти,
Чтобъ цвѣсти
Бѣлымъ лиліямъ и розамъ.

Чтобъ водить моихъ друзей
Въ Эли́зей,
Въ глубь земли черноутробной,
Клалъ я въ зимнюю постель
Асфодель,
Цвѣтъ подземный, цвѣтъ загробный.

Гряды взрѣзалъ острый плугъ.
Вспаханъ лугъ,
Ждетъ обильнаго посѣва,
И, раскрывши ложесна,
Сѣмена
Емлетъ матернее чрево.

Спите зиму въ мертвомъ снѣ!
По веснѣ
Изъ земли побѣги выньте,
Чтобъ осенній скудный тлѣнъ
Былъ явленъ
Въ благовонномъ гіацинтѣ.

Гіацинтовый цвѣтокъ,
Лепестокъ
Развернувши, близъ тюльпана
Стройнымъ стеблемъ поднялся,
И лѣса
Вторятъ страстнымъ кликамъ Пана.

Всходитъ травный изумрудъ.
Синій прудъ
Льется золотомъ плавленымъ.
Нимфы рѣзвятся въ кругу,
На лугу,
Орошенномъ и зеленомъ.

Подъ одеждою сквозной,
Бѣлизной
Блещутъ бедра, блещутъ груди.
Вкругъ волосъ цвѣтетъ вѣнокъ.
Пальцы ногъ
Тонутъ въ злачномъ изумрудѣ.

Волоса—янтарный токъ.
Какъ цвѣтокъ,
Губы—влажны и червлены.
Взоръ исполненъ волшебства,
Какъ листва,
Желтоватый и зеленый.

Все, что было снѣга, льда,
Безъ слѣда
Все лучи вобрали, съѣли.
Шепчутъ въ безднѣ голубой
Межъ собой
Торжествующія ели.

Какъ богиня сходишь ты
Съ высоты
Олимпійскаго престола.
Кудри желтыя твои,
Какъ ручьи
Златоструйнаго Пактола.

Истощила красота
Всѣ цвѣта
На божественной палитрѣ,
Тѣло юное творя.
Какъ заря,
Ты горишь въ лучистой митрѣ.

Нимфа! нимфа! ты—бѣлѣй
И лилей,
И нетронутаго снѣга.
Въ изумрудѣ узкихъ глазъ
Какъ зажглась
Подступающая нѣга.

Розъ потребно много сотъ,
Чтобы сотъ
Устъ твоихъ создать медвяныхъ,
Устъ, которыя лобзать
Ищетъ рать
Дерзкихъ фавновъ, страстныхъ, пьяныхъ.

Кто же выпьетъ сладкій медъ,
Кто сожметъ
Эту грудь? О, кто же, кромѣ
Васъ: палящій небосклонъ
Аполлонъ
И вѣнчанный гроздомъ Бромій?

Ты услышишь страстный вой
«Вакхъ Эвой!»
И жемчужныя колѣни
Закружатся подъ напѣвъ
Буйныхъ дѣвъ,
Крытыхъ шкурою оленьей.

IV.

ПУШКИНІАНА.

Мнѣ вѣтеръ волосы шевелитъ.
Поля сребрятся въ таломъ льдѣ,
И звонко жаворонокъ трелитъ,
Не знаю что, не знаю гдѣ.
Какъ ярко зеленѣютъ ели!
Прозрачны свѣтлые лѣса,
И лучезарно небеса,
Вздохнувъ весной, заголубѣли.
И, какъ небесная свирѣль,
Лазурна жаворонка трель.

Пари свободно, своенравно,
Звени крыломъ и трели сыпь!
Гдѣ мертвый снѣгъ бѣлѣлъ недавно,
Бѣжитъ синѣющая зыбь.
И даль раскрылась и блеснула,
Въ просторъ безбрежный уходя.
Пути внезапно преградя,
Весь полонъ блеска, полонъ гуля,
Въ тиши сіяющихъ ночей,
Прорывъ снѣга, шумитъ ручей.

Уже дорогъ не станетъ скоро:
Пробивши ледистую кору,
Разлились лужи, какъ озера,
И зеленѣютъ ввечеру.
Поверхность пруда раскололась,
Смѣется лучъ, ее согрѣвъ.
Гудятъ вершинами деревъ
Сырого вѣтра шумный голосъ.
Надъ обнажившимся бугромъ
Береза блещетъ серебромъ.

Купая вѣтви въ синемъ морѣ,
Березы шепчутъ межъ собой,
И нѣжно-розовыя зори
Повиты дымкой голубой.
Растаетъ дымная завѣса,
Прозраченъ ясный небосклонъ.
Задумчиво вечерній звонъ
Изъ-за притихнувшаго лѣса
Летитъ. Поля покрылись мглой,
И мерзнетъ лужи верхній слой.

О, какъ я ожиданьемъ мучимъ,
О, какъ я жду минуты той,
Когда пройдешь съ ведромъ пѣвучимъ
Ты, мимо сада, за водой!

V.

НАДГРОБІЕ.

с. с. щ.

Тихо спалъ ты зиму въ глухой гробницѣ
Синихъ льдинъ, покровомъ завернутъ снѣжнымъ.
Съ лаской принялъ юношу гробъ хрустальный
Въ мертвое лоно.

Ты молвы стоустой не слышалъ гула.
Не извѣдалъ яда клеветъ подпольныхъ.
Строгій сонъ твой развѣ могли встревожить
Хульныя рѣчи?

Не оплаканъ матерью нѣжной, долго,
Скованъ льдами, ждалъ ты пеленъ могильныхъ.
Надъ тобою гимнъ похоронный пѣла
Зимняя вьюга.

Но, съ дыханьемъ первыхъ вѣтровъ весенних,
Поотталъ бѣлый твой гробъ пловучій.
Солнце плѣнъ расплавило льдинъ тяжелыхъ,
Всплывшихъ со звономъ.

Нимфа влаги трупъ твой нашла забвенный,
Прочитала повѣсть любви печальной,
И съ улыбкой ликъ цѣловала блѣдный
Въ мертвыя губы.

И, на берегъ вынесши прахъ печальный,
Созывала дикихъ, веселыхъ фавновъ
И дріадъ дубравныхъ, въ вѣнкахъ купальницъ
Зеленоствольныхъ.

И склонялись дѣвушекъ бѣлыхъ хоры,
Съ устъ свѣвая вешнія тихо розы.
Кто—шептали—въ смерти виновна ранней,
Юноша милый?

VI.

ВЕСНЯНКА.

Въ поляхъ растаялъ звонко вспѣненный снѣгъ,
Возникла зелень первыхъ весенних травъ;
И Панъ зоветъ въ тростникъ свирѣльный,
Нимфу дубравную страстно кличa.

Взошла фіалка, словно синя слеза
Дріады бѣлой пала на темный мохъ.
О другъ, ты слышишь въ дуплахъ ствольныхъ
Стоны любовные дремной дѣвы?

Въ древесныхъ чащахъ—пѣсни веселыхъ нимфъ,
Шумъ хороводовъ, пляски, призывный смѣхъ,
Когда наступитъ синій вечеръ,
Облакомъ розовымъ небо кроя.

Какъ буйны ласки дикихъ лѣсныхъ подругъ!
Въ глазахъ прозрачныхъ зыблется зеленъ листъ,
Въ землѣ и злакахъ, бѣлы ноги—
— Корни подземные нѣжной розы.

Уставъ отъ пляски, дремлетъ въ сырой травѣ,
И кудри дѣвы блещутъ, что колосъ златъ,
И грудь ея—цвѣтокъ медвяный,
Въ зелени влажной расцвѣтшій сладко.

VII.

ЛЮБОВЬ.

Облака золотистыя.
Ивы пушистыя.
Вечеръ святой Воскресенія.
Надъ бѣлой березкою
Лодкою розовой, плоскою
Проплываетъ тучка весенняя.

Вечеръ синій и розовый.
Какъ нѣжны въ рощѣ березовой
Расцвѣты травъ воздыхальные!
Свершаются таинства древнія.
Слышу изъ ближней деревни я
Дѣвушекъ пѣсни пасхальныя.

Какъ возникшія травы зеленыя,
Предъ тобой мои пѣсни влюбленныя,
Какъ травы вешнія, скудныя!
Шепчу я ласки несмѣлыя,
Твои руки цѣлую я бѣлыя,
Гляжу въ глаза изумрудные.

На зарѣ береза колышется.
Я не знаю, что это слышется:
Смѣхъ ли рѣзвый, пѣсня святая ли?
Дорогая, не знаю я, живы мы,
Иль, какъ туча за дымными ивами,
Въ поцѣлуяхъ тихо растаяли.

VIII.

Ξανθὴ κόρη.

На разсвѣтѣ, зарослью скрытъ листвяной,
Я, любовникъ, видѣлъ ее, счастливый.
Блещутъ златомъ волосы—плодъ медвяный
Желтой оливы.

Какъ смѣялся дѣвушки зракъ зеленый!
Мнѣ казалась нимфой она дубравной.
Бѣлы ноги—сѣребра токъ плавленый
Въ зелени травной.

Лобъ—бѣлѣе вѣчныхъ снѣговъ Тимфреста.
Волосъ каждый сладкимъ дышалъ елеемъ.
Въ блескѣ вын розы давали мѣсто
Бѣлымъ лилеямъ.

IX.

ІЮЛЬСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Изгородь
Розовѣетъ на малой горѣ.
Хрустальная твердь безтѣлеснѣй.
Какъ молитвы тихой зарѣ—
Дѣвушекъ дальнія пѣсни.

Заря въ вечернемъ храмѣ
Зажгла золотую свѣчу,
Затеплила красный елей
Въ хрустальныхъ лампадахъ. Чу!
Дѣвушки съ голубыми серпами
Прошли домой съ полей.

Какъ одиноко
Подъ покровомъ туманныхъ пеленъ!
Лучомъ зарсвого ока,
Потускшимъ подъ облачной бровью,
Западъ, какъ мутной, сгустившейся кровью,
Очервленъ.

X.

ДРЕВНЕЙ РОЩѢ.

Глухая роща! темный древесный храмъ,
Гдѣ оиміамомъ зерна янтарныхъ смолъ,
  Въ твоемъ благоуханны мракѣ
Свѣчи зеленыя травъ весеннихъ.

Воздвиглись ели въ ризѣ нетлѣнныхъ иглъ,
Твою святую оберегая глушь.
  Лаская лугъ прохладной тѣнью,
Древнія липы простерли зелень.

И синій ладанъ—первыхъ фіалокъ сѣвъ—
Твое кадило, въ часъ, какъ смеркаетъ день,
  И солнце золотыя розы
Тихо роняетъ надъ глыбой талой.

Нерукотворный, одушевленный храмъ!
Ты возлелѣялъ легкое сѣмя травъ,
  Ты схоронилъ въ себѣ зачатья
Малыхъ цвѣтовъ и деревъ дебелыхъ.

Вѣка внималъ ты жизни глухую дрожь,
Ты въ черномъ лонѣ ярость цвѣтовъ таилъ,
И, чуя трепетъ вожделѣній,
Сѣмя питалъ животворной влагой.

Ты кроешь тайны первыхъ любовныхъ ласкъ,
Лелѣешь въ мракѣ знойныхъ лобзаній сласть;
Ты ложе для четы влюбленной
Травами стелешь, цвѣтами, мохомъ.

И, внемля трепетъ буйныхъ, творящихъ силъ,
Вонзая корни въ тучную грудь земли,
Ты выблешь гордыя вершины
Въ вѣчно нетлѣнномъ эѳирѣ неба.

XI.

ХЛОѢ.

Dulce ridentem.
Catullus.

Что медъ твой, Гибла? сладкій твой сотъ, Гиметъ?
Когда сравню васъ,—сласти лѣсныхъ цвѣтовъ,
Добытыя пчелинымъ жаломъ,—
Съ желтой косою румяной Хлои?

О, малый травень! скудный въ цвѣтахъ апрѣль!
Листвой златистой ты одѣваешь дубъ.
Какъ первый листъ дубравы вешней,
Очи твои золотыя, Хлоя!

Какъ шумы листьевъ, Пана тростникъ—свирѣль,
Дріады шепотъ въ лыкѣ святыхъ дубовъ,
Какъ говоръ струй хрустально-синихъ,
Смѣхъ твой сладчайшій, твой голосъ, Хлоя!

О, лѣсъ Киприды—чащи медвяныхъ розъ—
О, Адониса благоуханный садъ!
Вашъ рдяный блескъ и ароматы
Что предъ ланитами нѣжной Хлои?

XII.

ДРУГУ.

Н. П. Киселеву.

Пчелѣ подобенъ, ты съ сицилійскихъ травъ
Сбираешь меды—сладкотекучій сокъ.
Ты въ золотые ульи Гиблы
Сносишь цвѣтовъ полевыя дани.

Ты жаломъ острымъ тайную сладость пьешь
Изъ свитковъ древнихъ, въ медъ претворяя глѣнъ,
И для тебя пергаментъ блеклый—
Лугъ ароматный цвѣтовъ словесныхъ.

Тебѣ священна старца сѣдая скорбь:
Ты внялъ, произнеся темныхъ столѣтій глубь,
Послѣдній вздохъ слѣпца Эдипа,
Къ персямъ припавшаго Антигоны.

Тебя цѣлила дѣвъ трахинійскихъ пѣснь—
Надежды кроткой шепотъ предъ тучей золъ.
Ты видѣлъ Теламонiада
Мечъ златожалый въ крови багряной.

Но какъ исчислить цѣнныхъ богатство рудъ,
Все то, что емлетъ знаній твоихъ рудникъ,
Искатель кладовъ непочатыхъ,
Розъ Піэрійскихъ блюститель вѣрный?

Фригійскій лотосъ—сопровожденье пляскъ,—
Золотострунный звонъ Іонійскихъ лиръ,
Уста улыбчивыя Музы
Хоромъ согласнымъ тебя восхвалятъ.

XIII.

ЖЕНЩИНѢ.

Уже четвертый старому мужу плодъ
Во чревѣ носишь ты,—золотая мать.
Тяжелымъ шагомъ въ огородѣ
— Точно телица на сносѣ—бродишь.

На солнцѣ блещетъ связка медовыхъ косъ,
Какъ зерномъ полный, желтый осенній снопъ.
Какъ вымя—тяжесть тучныхъ грудей—
Сладкое яство устамъ младенца.

Лицо оплыло; тихо-безсмысленъ взоръ;
Распухли жилы; грузно поникъ языкъ;
Блестятъ подъ вздернутой одеждой
Ноги, серебрянымъ лоснясь тукомъ.

Кѣмъ тяжела ты? дѣвочекъ трехъ подрядъ
Дарило мужу ложе твое досель:
Проси наслѣдника для дома,
Даръ возложивъ на алтарь богини.

Моли усердно чистую дочь Лато,
Что напрягаетъ осеребренный лукъ:
Моли, чтобъ жало притупила
Ярость Ніиѳіи въ мукахъ чрева.

XIV.

НЕБУ.

Ты лучезарно, выйдя изъ горна грозъ;
Громовыхъ кузницъ ты золотой металлъ.
Разноситъ вѣтръ прохладновѣйный
Луга дыханье и ароматы.

Я жрецъ твой, небо! Твой золотой потиръ,
Твое причастье я подношу къ устамъ,
И внемлю ухомъ ненаситнымъ
Шелесты травъ и ключей рожденье.

Твоихъ нетлѣнныхъ жилъ голубую кровь,
Твоихъ точилъ палящее пью вино,
И солнца златотканной плоти
Я пріобщаюсь прохладнымъ утромъ.

О небо! чаша! древній завѣтъ любви!
Нерукотворный, синій, лучистый храмъ,
Гдѣ неистомно хвалятъ Бога
Звѣри, деревья, цвѣты и люди.

Ты—золотая струй голубых купель,
Ты—золотой, отовсюду замкнутый гробъ.
Ты нѣжишь малаго младенца,
Ты принимаешь и вздохъ предсмертный.

Ты—блескъ и радость! жертвенникъ твой—земля
Тебѣ сжигаетъ ладанъ цвѣтовъ и травъ.
Тебѣ несутъ сердца людскія
Кровь вожделѣній и огнь любови.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАСЛИНА ГАЛИЛЕИ.

Стр.

I. Іаковъ 13
II. Святой путь 15
III. Марія Магдалина 17
IV. Передъ Іерусалимомъ. 19
V. Вечеря 25
VI. Отреченіе. 27
VII. Сестрѣ 28
VIII. Видѣніе святого Бернарда 30
IX. Родныя страны 32
X. Святая Цецилія 34
XI. Пресвятая Дѣва и Бернардъ 36
XII. Свѣте тихій! 38
XIII. Вечерняя молитва 40
XIV. Храмъ 42
XV. Раба Христова 44

ЗОЛОТАЯ СМЕРТЬ.

I. Гимнъ осени 49
II. Жаркій полдень 52
III. Рябина 53
IV. Послѣдняя роза. 54
V. На балконѣ. 55

Стр.
VI. Сѣрый день 56
VII. Печаль 57
VIII. У пруда 58
IX. Успокоенность 59

SILVAE.

I. Истрѣ 63
II. Валерію Брюсову 65
III. Андрею Бѣлому. 71
IV. Максу Волошину 74
V. А. Г. Коваленской 75
VI. Г. А. Рачинскому 77
VII. С. Н. Величкину. 79
VIII. И. С. Щукину 81
IX. Изъ Эпиѳаламы 85
X. Москва 87
XI. Въ вагонѣ 91
XII. На побережьѣ 93
XIII. Бѣлица 94
XIV. Ромео и Джульета 96
XV. Um die Linde 99
XVI. Геркулесъ на распутьѣ 101
XVII. Алтарь Діониса 104
XVIII. Воспоминаніе 106
XIX. Мунэ Сюлли и Айседора Дѣнканъ . . 108

ПІЭРІЙСКІЯ РОЗЫ.

I. Дафна 113
II. Пирамъ и Ѳисба 119
III. Іо 127
IV. Сиринга 134

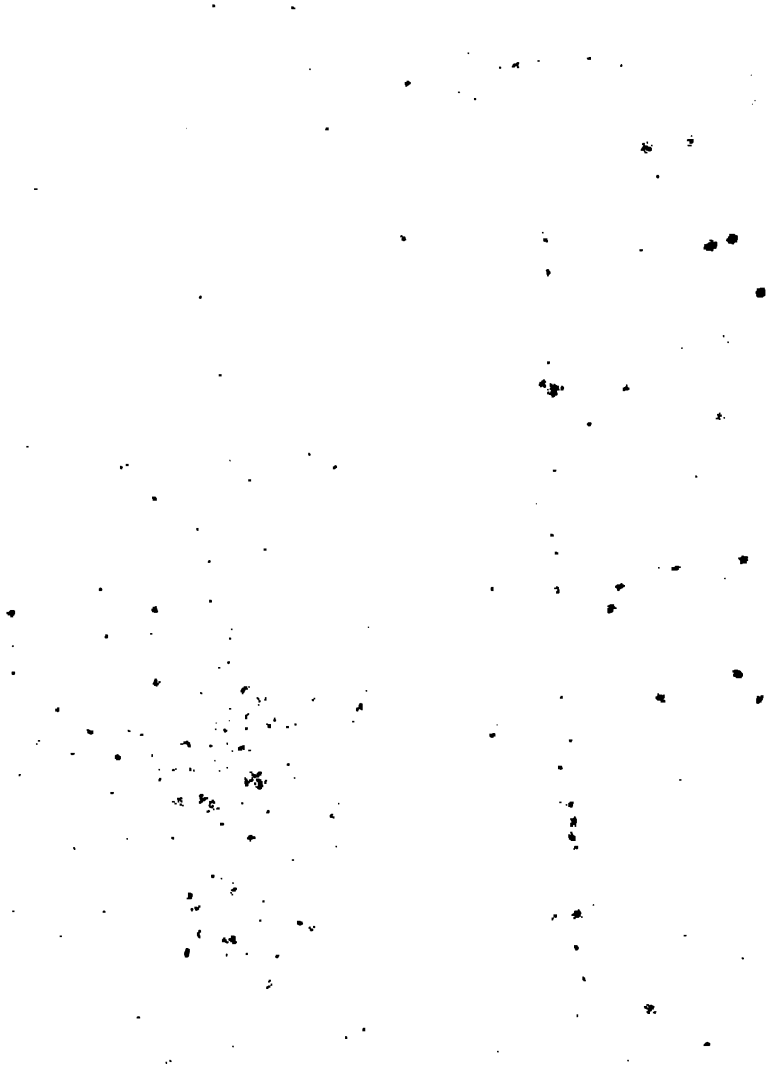
Стр.
V. Ифигенія въ Авлидѣ 136
VI. Ахиллесъ 138
VII. Неоптолемъ 149
VIII. Дидона и Эней 155
IX. Эней—товарищамъ. 157

ПѢСНИ.

I. Разлука 161
II. Двоеженецъ 165
III. Монашка 179
IV. Весенній вѣтеръ 183

ВЕСНЯНКИ.

I. Primavera. 191
II. Пастораль 193
III. Нимфа весны 197
IV. Пушкиніана 201
V. Надгробіе 203
VI. Веснянка 205
VII. Любовь 207
VIII. Ξανθὴ κόρη 209
IX. Іюльскій вечеръ 210
X. Древней рощѣ. 211
XI. Хлоѣ. 213
XII. Другу 214
XIII. Женщинѣ. 217
XIV. Небу. 218



PG 3476 .S66 T72 C.1
TSvety i ladan
Stanford University Libraries
3 6105 039 727 149